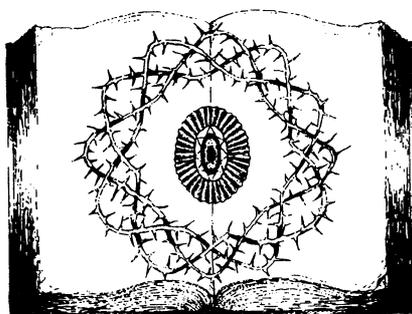

№3 (132)
Июль – Сентябрь 1993 г.

ВОЕННАЯ СЛОВА

МОСКВА

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

№3 (132)

Июль — Сентябрь 1993 г.

1918 — 4 (17) ИЮЛЯ — 1993

*... С каждой годовщиной удаленной даты;
Чем она далече, тем страшней она...*

Так сказал, уже в изгнании, офицер Колчаковской армии, поэт Арсений Несмелов (А.И.Митропольский) о той ночи, когда в Екатеринбурге, в подвале дома Ипатьева, были убиты Государь Император Николай Александрович, Его Супруга Императрица Александра Феодоровна и Их Дети — Наследник Цесаревич Алексей и Великие Князья Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Действительно, лишь сейчас, по прошествии уже семидесяти пяти лет, со всей беспощадной очевидностью становится ясен тот "давний кровавый путь", который привел Россию к цареубийству, и другой путь, не менее страшный, начавшийся с Ипатьевского дома, а может быть, и раньше — с отречения Государя от Престола в безумные мартовские дни 1917 года. Ведь трудно оспаривать сейчас, что именно отречение стало той вехой, водоразделом, за которым началось неуправляемое, все ускоряющееся движение России в пропасть братоубийственной войны.

Теперь многие стали говорить об отречении как об ошибке или даже вине Императора, проявлении слабости и безволия. И мало кто осознает, что вина России в этом была не меньше, а, пожалуй, больше вины ее Государя. Ибо Он был, наверное, последним Царем Святой Руси, но Русь не была уже Святой. И, значит, велика была мера прегрешений России, если расплачиваться за них ей пришлось такую страшную цену.

Ценой богооставленности.

Ценой исполнения пророчества Св. Праведного о. Иоанна Кронштадтского, что Бог отнимет у России благочестивого Царя и "пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных пра-

вителей, которые зальют всю землю кровью и слезами".

И последний Русский Государь, который вскоре мученической смертью Своею доказал, что готов разделить со Своей страной ее страшную судьбу, — должно быть, лишь покорялся Высшему предначертанию, когда слагал с Себя Царскую корону. И, должно быть, не случайно именно в день отречения в селе Коломенском — древней резиденции Тишайшего Царя Алексея Михайловича — была явлена чудотворная икона Божией Матери "Державная": Сама Владычица Небесная приняла в Свои руки скипетр и державу осиротевшей Русской Земли... Как верный сол-

дат, Государь не оставил поста до тех пор, пока не вымолил Себе смену. И не Его была вина, что на земле этой смены Ему не нашлось.

Не будем прятаться за лукавые фразы. Россия предала своего Государя, допустив Его заточение, глумления над Ним и Его гибель. И даже самые лучшие, самые доблестные, самые честные, — те, кто развернул знамя Белой борьбы, — оказались неспособными защитить своего Императора.

Белое движение не стало монархическим. И пусть одни видели в его "непредрешенчестве" трагическую ошибку, другие — напротив, мудрость и дальновидность, — но вряд ли можно отрицать, что тягчайший грех предательства мог быть искуплен, только если Русский Солдат сумел бы спасти Русского Царя.

А этого не произошло. "Именем Советской власти" в подвале, ночью, тайно были убиты Государь-Мученик и Его Семья.

Конечно, Императора убили вовсе не за то, что Он якобы был неспособным правителем или плохим главнокомандующим, как и не за "преступления", ни когда Им в действительности не совершенные. И подавно уж нельзя было предъявить никакого доказательного обвинения оклеветанной Царице или невинным Детям. Все гораздо проще и страшнее: Государь, даже после отречения, оставался символом Великой России, ее законным Главой, Помазанником Божиим на Русское Православное Царство... И враги России поняли это раньше и лучше, чем ее друзья и ее сыны.

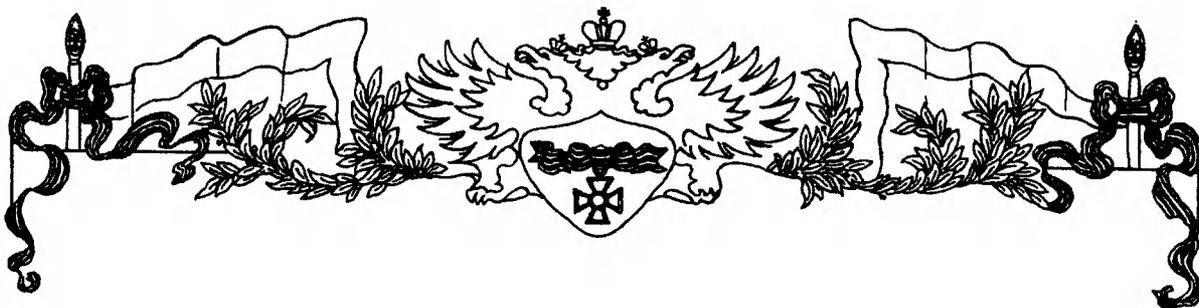
... Сейчас, быть может, слишком много говорится и пишется о Царской Семье и ее трагической судьбе. "С пышной щедростью ладан жгут", по словам А.Несмелова, люди, далеко не всегда имеющие на это моральное право. Поэтому не будем

эти дни скорбной годовщины ни включать в хор славословий, ни выискивать в действиях последнего Императора Всероссийского промахи или ошибки.

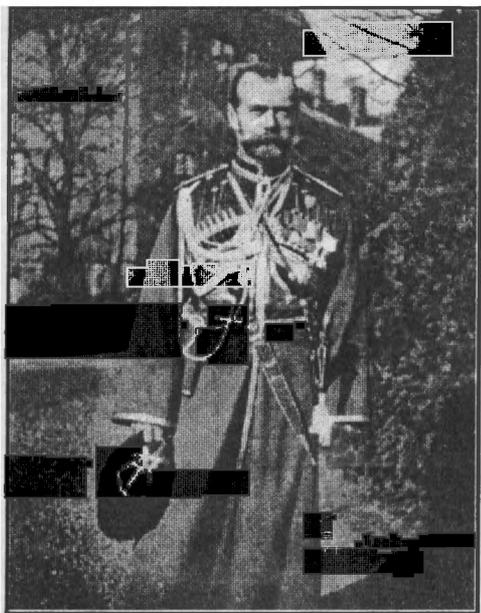
Давайте только поймем, что стреляли в Государя, в подвале Ипатьевского дома стреляли в Россию.

И склоним головы перед памятью Мучеников.

А.Кручинин

ИМПЕРАТОРСКАЯ ФАМИЛИЯ И РУССКАЯ АРМИЯ

Государь Император в форме Собственно-го Его Величества Конвоя. 1912

Цесаревич Наследник в походной солдатской форме. 1915

Их Величества на полковом празднике Лейб-Гвардии Уланского Ея Величества полка. 1903. (Императрица в форме Своих улан)

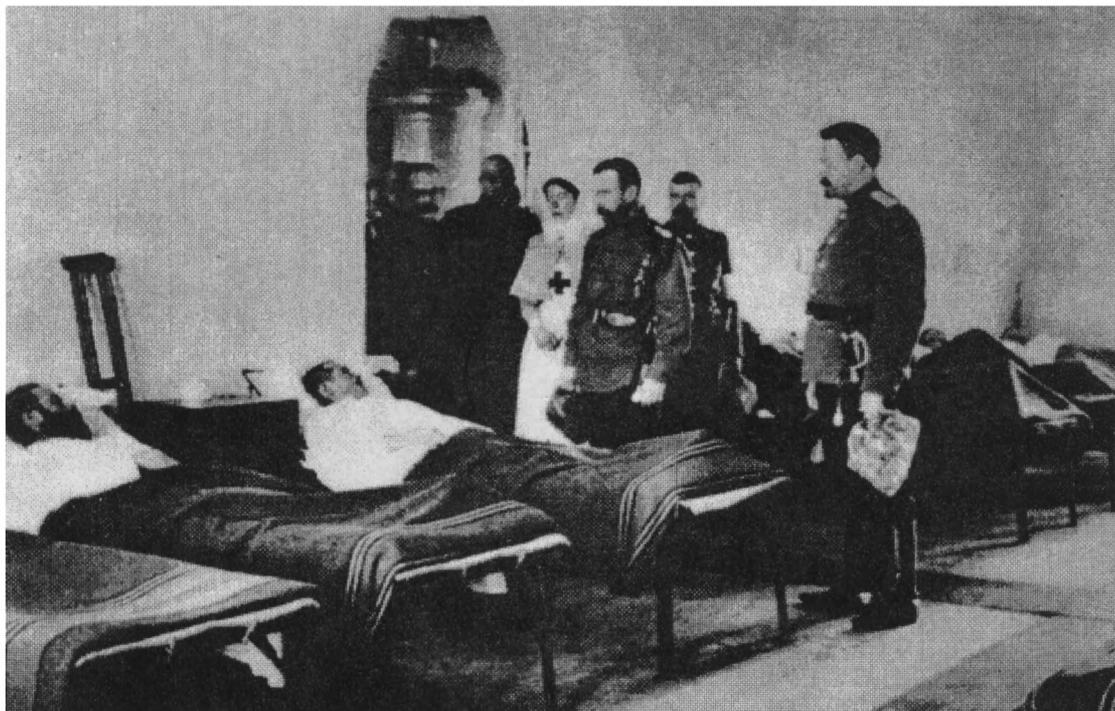
Дочери Государя, Великие Княжны Ольга (справа) и Татьяна, в формах шефских полков (3-го гусарского Елисаветградского Великой Княжны Ольги Николаевны и 8-го уланского Вознесенского Великой Княжны Татьяны Николаевны). Ок. 1913.

Августейшие сестры милосердия (справа налево: Императрица Александра Феодоровна, Великая Княжна Татьяна, Великая Княжна Ольга) в Царскосельском дворцовом лазарете. 1915

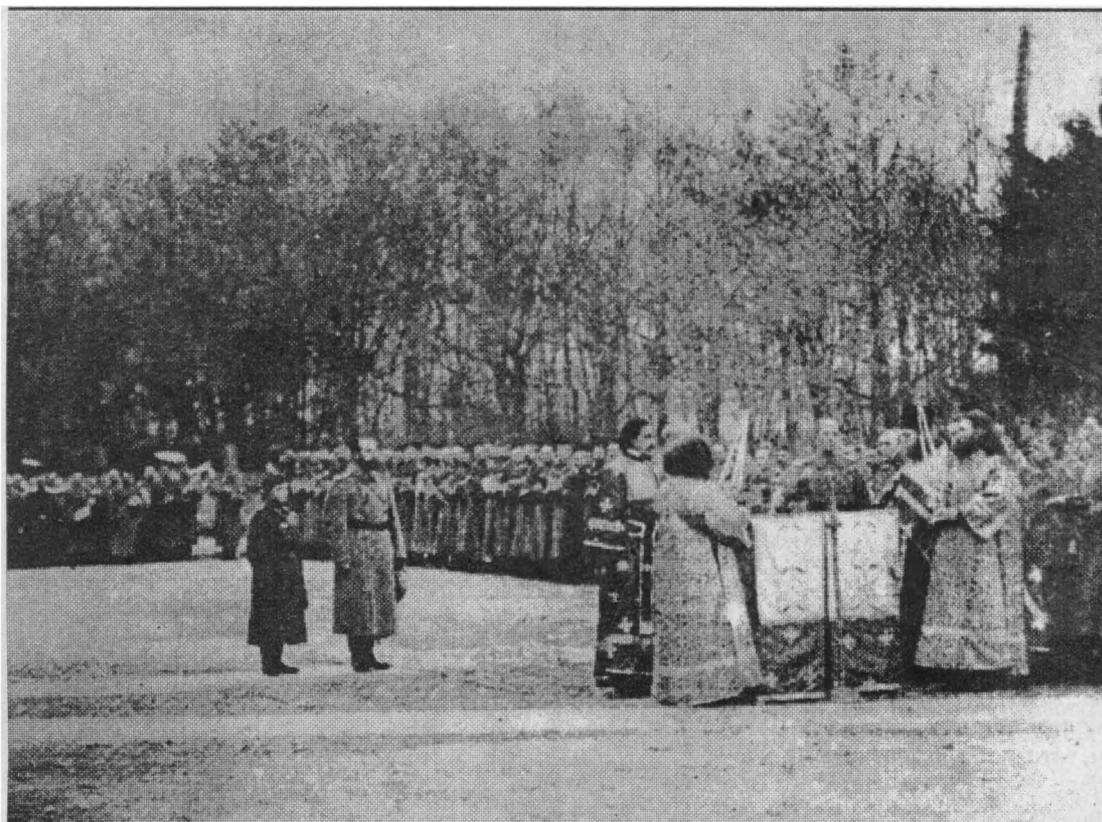

Государь Император производит смотр сотне
Собственного Его Величества Конвоя. Могилев,
1916

Посещение Государем Императором госпиталя. Рядом с Государем, в форме сестры милосердия —
Великая Княгиня Ольга Александровна. Ровно, 1915

Государь и Наследник на молебне по случаю Георгиевского праздника. Могилев, 26 ноября 1915 г.

Одной из традиций Российской Империи было назначение членов Императорской Фамилии шефами различных полков Гвардии и Армии. Многие Великие Князья и Княжны становились шефами воинских частей буквально с пеленок, впервые надевая военный мундир еще в детском возрасте. И это не было, как может показаться на первый взгляд, просто маскарадом или игрой в солдатики. Чувство единства своей судьбы с судьбами Отечества, средоточием духа которого всегда было Русское воинство, с ранних лет входило в души Царских детей. Известной фразой Императора Александра III о том, что “у России есть лишь два союзника — ее Армия и ее Флот”, в значительной степени определялось отношение Императорской Фамилии к защитникам страны, ответственность за которую Русские монархи всегда ощущали живо и непосредственно. Единство Царской Семьи с ее Армией было еще раз подтверждено в годы Великой войны, когда Император принял на себя нелегкое бремя обязанностей Верховного Главнокомандующего, а Императрица и Ее старшие дочери работали сестрами милосердия в Царскосельском лазарете. И это единство судеб донесено до нас, среди прочих документальных свидетельств, и обширной фото-летописью последнего Царствования, фрагменты которой помещены на этих страницах.

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ПЛЕННИК

Воспоминания 1-го Сибирского Добровольческого полка

I

Лето 1918 года. Переворот чехов в Омске. Формируется первый добровольческий полк. Командир штабс-капитан Жилинский.

Не полк, а полчок, не полчок даже — батальонишка!

Четыре роты по пятьдесят птывков каждая.

Это численностью батальонишка, а духом, готовностью драться, волею к победе — крепко сбита, отличная героическая часть. Рядовыми бойцами офицеры, крепкорукие, прицелистые сибирские прапорщики, пылающая энтузиазмом молодежь, — студенты, гимназисты, кадеты...

Ваш покорнейший слуга на отделении в четвертой роте, — это с тремя звездочками на погонах... Правда, погон еще нет, нет никаких отличий. Летняя солдатская защитная форма. Добровольцы. И полтора рубля жалованья керенками рядовому бойцу офицеру.

Грузимся...

Перед теплушками, на воинской платформе, играет оркестр. Много провожающих, — девушки, дамы, дети. Кончил оркестр, взвыла труба горниста. Посадка. Скоро в путь.

Ко мне подходит незнакомый старик. Белобород и почтенен, в чистом чесучовом пиджаке.

— Куда же прямо-то?

— На Ишим, на Ялutorовск, на Тюмень, на Екатеринбург... На Москву, отец! Где догоним, там и будем бить красных.

— Так! — раздумчиво говорит старик. — Так, конечно!.. На Москву. Но самое главное — Екатеринбург.

— Почему, отец?

— Как почему? Там Государь!

Надо Его освободить, вырвать из рук злодеев. А с Государем и Москву возьмете. И Петербург — всю Россию! Государь победит, без Государя не будет вам победы. Чехи? Изменят! Поляки? Продадут! Только Государь. Его рука победит. Ты, молодой человек, думаешь, — твоя винтовка? Не-ет! Государя рука победит. За Него сейчас вся Россия встанет.

Голос старика слаб, но ясен.

В нем дрожь глубокой веры в свои слова. В нем пророчество, и пророчество, чем-то меня пугающее. Может быть, новой, громадной ответственностью, которую эта старческая речь возлагает на наши плечи. Новое задание перед нами:

— Освободить Государя!

И я пугаюсь:

— А вдруг... а вдруг не удастся?

Кто из нас, добровольцев, солдат и офицеров, думал так в эти яркие и жизнерадостные дни об Екатеринбургском Пленнике? Мы были захвачены восторгом переворота, кутерьмой формирования; мы, уже отдохнувшие от войны, вновь хотели возбуждающего свиста пуль, визга и тявканья шрапнелей, той очаровательной обстановки походов и боев, когда все в жизни становится просто и ясно, и так хороши после напряжения очередной стычки покой бивака и горячий солдатский суп из котелка...

Мы, кондотьеры, солдаты, были эгоистами. Мы любили Родину, но еще больше, — приходится сознаться, — мы, как чистые художники войны, любили ее для ее самой, для побед, для славы, для удали бесшабашной...

Мы ненавидели большевиков, но ненавидели их, как наших боевых противников, утративших понятие о воинской доблести и чести: ненавидели их, расстреливающих пленников, насилующих женщин, поднимающих на нас низы, подонки населения.

Политически все мы еще были в прошлом, в довоенном прошлом —

Портрет Императора Николая II работы Серова

счастливой монархической России. Конечно, все мы были монархистами. Какие-то эсдеки, эсеры, кадеты, — тьфу — даже произносить эти дурацкие слова противно. Мы шли за царя, хотя и не говорили об этом, как шли за Царя и все наши начальники...

И все-таки мы не знали, — что такое Царь для России.

Мы не понимали, что значит для страны Екатеринбургский Пленник, какую непобедимость придал бы Он нашим птывкам, находишь Он с нами, за нами. Этого мы не понимали. Понимали ли наши начальники? Едва ли.

Они, как мы, верили в то, что мы, офицеры-фронтовики и интеллигентная молодежь-энтузиасты, — первыми выстрелами разгоним ту красную сволочь, что хочет бороться с нами.

Мы, бросавшиеся на немецкую проволоку, мы, гнавшие австро-германские армии, неужели мы не прогоним этот сброд, неужели первые наши залпы не расчищают нам дорогу до Московского Кремля?!

И мысль об Екатеринбургском

Пленнике отходила как-то на задний план...

Простые слова старика в желтой чесуче пробудили во мне тревожное нетерпение. Да, да, конечно!.. Екатеринбург, — это самое главное, это именно и есть святая цель нашего похода... Екатеринбург!..

Но тут снова взвыла труба горниста, и старик куда-то исчез. Я даже ни слова не сумел ему ответить. Я, старательно исполняя обязанности отделенного, заорал во всю свою молодую глотку:

— Бойцы, отправка!.. В вагон, в вагон!..

Какие-то девушки замахали платочками. Одна из них бросила мне георгин. Вновь заиграл оркестр. Марш. Заскрежетали вагоны. И вместе с ними, в ящике, наполовину полным, застучали и закатались наши ручные гранаты. “Не сунули ли в ящик и капсюли второпях?” — служебно подумал я и нагнулся посмотреть. Началась будничная, походная, военная жизнь.

II

Ишим. Квартира — в школе. Душистое сено на полу, сытные харчи, сибирские калачи. Иногда, к борщу, полстакана спиртяги, солдатской радости.

Доформировывались.

Простояли три дня.

Теперь — на запад, на сближение с противником. Первые боишки, самые пустяковые, с далеким огнем. По линии ползет наш броневик, с версту от него пятится броневик красных...

Красные отходят, отходят...

Станцию за станцией берем мы, лишь под Тюменью враг оказал солидное сопротивление, и мы берем город с боем. Я уже команду взводом, взводного ранили и эвакуировали. Под Тюменью убивают дружка моего, подпоручика Казанцева, вечная ему память!

Теперь — Камышлов и Екатеринбург...

Мысль об Екатеринбургском Пленнике уже в душе каждого бойца. Но и здесь, в упоенном легким успехом сознании есть какая-то крупная кондотьерского эгоизма, легкомыслия.

— Хорошо бы нашему полку освободить Государя!..

— Нашей бы ротишке первой ворваться в город...

— Нашему бы взводу — первому!..

И затаенная невысказываемая мысль:

— Мне бы скovyрнуть штыком последнего красного тюремщика, красногвардейскую морду... И — в дверь! И — “Ваше Императорское Величество, Вы освобождены!” — “Кто ты, молодец?” — “Боец-доброволец первого Сибирского добровольческого полка штабс-капитана Жилинского!”

Ах, сладкая мечта...

И что бы было потом. Чего бы только не было!

Но не бывать этому. Впереди еще есть чехи. Обскакивает первый полчок и капитан Смолин со своим третьим Сибирским. Где-то справа пробивается капитан Казагранди. А наш-то, Жилинский, хоть и хорош, да уж больно осторожен. Смолин-то побойчее, хотя и потерь в третьем полку тоже поболее.

Простые солдатские души, простые мысли, простые мечты. Кто укорит вас, что вы не понимаете, что в Екатеринбурге — судьба всего белого движения, его исход, его победа. Велико ли дело солдатское, — запихнуть патроны в магазин трехлинейки, отшвырнуть большим пальцем обойму, дослать патрон и:

— Редко начиная!..

Голова над окопчиком, на окопчике винтовка...

— Та... та... Та!

А пулеметный веер пробороzdил же линию перед окопчиком.

Мадьяр, сидящий за красным

Максимом, снизил прицел. Ничего, он еще поднимет колодку.

Теперь, как раз.

— Тю, тю, тию, тию... Бац!

И упала солдатская голова на окопчик.

Бедный, простой Воин Государев почил навеки. Выкопают бойцы могилку, положат в нее, прочтает взводный молитвы, которые сохранила память. Салюта нет. Мало патронов. Надо патроны беречь. И без залпа прощального найдет бедная солдатская душа дорогу в Христов рай...

Сам Георгий Победоносец, солдатский Святой, укажет ей путь к трону Господнему...

Накроются бойцы...

— А хороший был парень, подпоручик Казанцев...

— Душевный человек...

— Позавчера, ребята, — начнет было взводный, и вдруг вспомнит: “А винтовки-то нечищены”, — и крикнет:

— Ребята, чистить винтовки. У кого есть протирки, потом передать не имеющим...

И кончена память о человеке.

III

А броневик ползет вперед.

За броневиком эшелоны 1-го и 3-го полка.

Я на верхних нарах, у окошка, головой к паровозу: привилегированное место взводного.

— Вот, ребята, — говорю я. — Когда мы уезжали из Омска, то подошел ко мне старый старик в чесучовом пиджаке. И вот говорил он и о Государе. Он такое сказал: “Не Москва важна вам, а Екатеринбург. Ваше дело Государя освободить и нет для вас более великого дела. Это, он сказал, важнее, чем Москву с Петербургом взять”. Понимаете, какие слова?

— Да, — тянет прапорщик Коробкин, сельский учитель. — Да, это, конечно, так!..

Но по тону, которым он произносит слова, я вижу: не понимает он слов того старичка. Да ведь и сам я их еще не отчетливо понял, я только, как бы ощупью, ощущаю за ними какой-то страшный и великий смысл.

Добыть Царя и — победа! Не добыть, и все — вилами на воде писано.

И мы играем в пятьсот одно.

Вагон трясет, качает из стороны в сторону, и мы материмся.

А внизу, на тряском вагонном полу, перекатываются в ящике ручные гранаты, перекатываются гулко, как человеческие черепа. Их много меньше стало теперь в ящике...

— Гук-ух! — бухает пушка впереди.

— С броневика?

— Стало быть, так.

— Успеем доиграть или оставим?

— Где там, уже тормозит машинист! Доиграем после боя. Эй, бойцы, приготовься! Дневальный, останешься в вагоне. Выходи!..

И с винтовками в руках прыгаем на полотно.

В вагоне, на нарах, на разостланной шинели, остаются розданные карты. Одну из этих кучек берет в свои костяные пальцы невидимая смерть. Мой партнер не доиграет партии: он получит пулю в нижнюю челюсть.

IV

И вот Камышлов, девяносто верст до Екатеринбурга.

Мы подходим к городу на рассвете. Будет ли бой?

Будет, — сметем врага, и из Камышлова прямо на Екатеринбург!

И каждый из нас чувствует:

— Теперь уж бой не за город, а за Императора. За отречшегося, но все-таки Императора.

Ведь отречение, это отстранение от борьбы за трон, за Свою Империю, — разве было принято нами всерьез. Царя уговорили, заставили, принудили, но разве может Царь уйти от Своего народа, разве в силах отец навсегда уйти от своих детей.

Была лишь ссора, размолвка.

— Ах, так? — говорит Император.

— Ну, что ж, хорошо. Я отойду в сторону. Попробуйте пожить без меня.

И вот по ж и л и, началась Гражданская.

Довольно!

Только девяностоверстный путь отделяет нас от того момента, когда мы опять увидим Царя. Не полковника Романова, а Императора, который обойдет наш боевой строй и на приветствие которого полк рявкнет:

— Здравия желаем, Ваше Императорское Величество!

И дурной сон об отречении будет забыт навсегда.

Ведь Император отрекся лишь потому, что мы хотели отречься от Него. Ссора отца с детьми кончается вот здесь, на подступах к Екатеринбург.

Но город уже занят чехами.

Встречаю одного:

— Откуда вы пришли, брат?

— С Екатеринбургу...

— Царь... Вы видели Его?

Чех безнадежно взмахивает рукою.

Сердце сжимается страшным предчувствием.

— Увезли? Успели увезти большевики?

— Убили! Всех убили. Всю семью!..

— Даже ребенка Наследника?

— И его.

Проклятый омский старик в чесуновом пиджаке! Не он ли напроорочил? Ах, что там "напроорочил"! Никто ничего не пророчил, но он чувствовал, он знал, что это так и должно случиться. Может быть, и я чувствовал, — почему же тогда так странно и страшно стало от слов старика. Может быть, и все предчувствовали это злодеяние и, быть может, именно потому так мало и говорили об Екатеринбургском Пленнике... Пленнике? Нет, уже о Мученике.

В теплушке молчат.

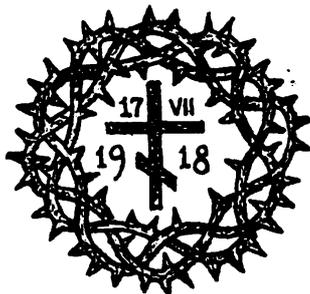
Только глаза у всех строги и во взорах как бы судьба обреченных. Воины Государевы, узнавшие о гибели Государя. Страшный удар по всему Белому делу. Неисправимый.

А горнист уже играет сбор.

Мы покидаем теплушки. Нам предстоит поход по Ирбитскому тракту. Наш марш на соединение со вторым полком капитана Казагранди.

Луч Азии (Харбин). — 1937.

— №35-7. — Стр. 9—11.

ПАМЯТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИ- НОВИЧА

(15 ноября 1892 г. —
29 сентября 1914 г.)

30 сентября 1914 года в петроградской газете "Русский Инвалид" — офицере военного министерства — на первой странице среди сообщений "От Штаба Верховного Главнокомандующего" было помещено и такое: "Сегодня (27 сентября 1914 г. — А.К.), при следовании застав нашей передовой кавалерии, были атакованы и уничтожены германские разведки. Частью немцы были изрублены, частью взяты в плен, при чем доскакавший первым до неприятеля корнет Его Высочество Князь Олег Константинович ранен легко в ногу на вылет". Однако в действительности рана оказалась серьезной, и вечером 29 сентября молодой офицер скончался.

Князь Олег Константинович был одним из шестерых сыновей Великого Князя Константина Константиновича, известного поэта, публиковавшего свои стихи под инициалами "К.Р." (великокняжеского титула дети К.Р. не носили, так как по законам Российской Империи он полагался лишь сыну или внуку Императора, а Олег Константинович и его братья приходились покойному Императору Николаю I правнуками). Несмотря на высокое положение (помимо своего титула, Князь Олег был крестником самого Императора Александра III), юный Князь, по желанию своего отца, был зачислен кадетом в Полоцкий кадетский корпус (основанный его Августейшим прадедом), по окончании которого в 1910 году "на общих основаниях" поступил в Императорский Александровский лицей в Царском Селе "для прохожде-

ния, на старшем курсе, юридических и политических наук". Еще будучи лицеистом, Князь Олег подготовил для печати факсимильное воспроизведение автографов А.С.Пушкина (лицейского периода его биографии), вышедшее в свет и поступившее в продажу "в пользу Пушкинского лицейского музея". Олег Константинович планировал продолжить эту работу, издав все уцелевшие рукописи великого поэта, но начавшаяся Великая война помешала этому.

В офицеры Князь Олег Константинович был произведен, когда по окончании лицея выразил желание вступить в военную службу Лейб-Гвардии в Гусарский Его Императорского Величества полк. Несмотря на то, что он должен был начать службу с вольноопределяющегося (как не прошедший обучения в военном училище), Князь Олег был "вне правил" Высочайшим приказом произведен в корнеты. Его боевая работа в первые месяцы Великой войны доказала, что приказ не был ошибочным, а подвиг и геройская смерть полностью оправдали Высочайшее доверие.

Б.В.Никольский, бывший одним из учителей Князя Олега во время обучения Его Высочества в лицее, по отрывочным сообщениям и воспоминаниям восстановил целостную картину последнего боя молодого корнета:

"27-го сентября около трех часов дня одна из походных застав, в составе третьего взвода второго эскадрона, под командой Его Высочества, увидав противника, пошла ему навстречу. Немцы отстреливались. Князь, опередив далеко свой взвод, помчался на врага и врубился в разезд. Гусары доскакали до неприятеля, когда Князь, уже раненый, покачнувшись в седле и упал на землю. Была ранена и его лошадь. Пять немцев было зарублено, остальные взяты в плен. Князь Гавриил Константинович (родной брат Князя Олега, служивший в том же полку. — А.К.), бывший со своим отрядом неподалеку и поскакавший на выстрелы, застал брата еще в сознании и услышал его слова: "Перекрести меня"..."

На следующий же день, 28 сентября, Государь Император пожаловал Князю Олегу Константиновичу

орден Святого Великоученика и Победоносца Георгия 4-ой степени "за мужество и храбрость, проявленные при стычке и уничтожении германских разездов". 29 сентября отец Князя Олега, Великий Князь Константин Константинович, спешно приехавший в Витебскую общину Красного Креста (куда Олег Константинович был эвакуирован сразу же после ранения), вручил сыну крест ордена Св. Георгия, принадлежавший деду юного героя, Великому Князю Константину Николаевичу. Это было последней радостью в жизни умирающего; менее чем через полтора часа Князя Олега Константиновича не стало.

В ноябре 1914 года в Петрограде был открыт лазарет имени Князя Олега. На торжестве его освящения были прочитаны такие стихи Т.Л.Щепкиной-Куперник:

О, юный витязь, Князь Олег,
Герой невинный и прекрасный,
С душой, еще по-детски ясной
И чистой, как нагорный снег.

Ты мирных дней оставил дело,
Что совершал ты в тишине,
И, как Георгий на коне,
В ряды врагов врубился смело,
И первым очутился ты,
Герой, средь вражеского стана;
Потом — зияющая рана
И мрак могильной темноты.

Смерть, как цветок тебя скосила
На пажитях родной земли...
А сколько б дать еще могли
Твои душа, и ум, и сила.

Но ты судьбой на утре дней
Отозван к горнему Престолу...
И кто главы не склонит долу
Пред светлой памятью твоей

И не захочет с умилением,
Чтоб милым именем твоим,
Как чистоты благословеньем,
Приют смиренный был храним?

Будь здесь с солдатами своими,
И сладок будет их ночлег,
Коль станет бодрствовать над ними
Их юный витязь, Князь Олег.

... Быть может, не случайно, что первой жертвой, принесенной Императорской фамилией в годы Великой войны и последовавшей за ней Великой Смуты, стал именно Князь Олег Константинович, — ибо его тонкая

Князь Олег Константинович - кадет Полоцкого кадетского корпуса. 1909.

поэтическая натура воплощала собою все черты, свойственные лучшим представителям Дома Романовых: душевную чистоту и незапятнанность, честность, любовь к России, долг по отношению к которой воспринимался как постоянное служение, тяжелый крест, — и какую-то особенную, чисто русскую скромность, переходившую в трогательную застенчивость. А надвигавшееся страшное время обрекало на безжалостное уничтожение носителей подобных качеств, и очень скоро — спустя всего лишь какие-нибудь пять лет после гибели Князя Олега — она казалась уже Божией милостью, подарком судьбы.

Ибо он погиб солдатской смертью в открытом бою, не успев увидеть гибели России и торжества ее палачей.

А. Кручинин

Александр ЛЕПЕХА

В ТЫЛУ У НЕМЦЕВ

Во время трагической гибели армий генералов Самсонова и Ренненкампа, я, с моим разъездом Новороссийских драгун, оказался отрезан от своих частей и, блуждая без карт, как затравленный зверь, пробирался по лесам на восток. Недалеко от г. Гольдапа, я встретил лейб-гусарский разъезд, в таком же растрепанном виде, как и мой. Офицер сидел на пегой, обывательского типа, лошади. Мы друг другу очень обрадовались. Молодой гусар, милостивый симпатичный корнет, загорелый, запыленный, много дней не мытый, первым делом заявил, что они все страшно голодны. Мой вестовой извлек из седельного вьюка кусок сухого хлеба, обернутого в сомнительной чистоты тряпку, вероятно, по обыкновению, хранил для меня, и предложил офицеру. Тот отломал кусок, а остальное передал своему вестовому.

Пока он, с видимым наслаждением, грыз этот сухарь, мы делились впечатлениями пережитого и, со всеми возможными предосторожностями, двигались дальше. Его лошадь была убита, и он воспользовался "обывательской". На мое замечание, что он мог бы взять лошадь у своего вестового или иного разведчика, так как ему, как начальнику разъезда, нужна резвая лошадь, он ответил:

— Как я могу у своих разведчиков отнимать самого верного и лучшего друга?

Этот ответ произвел на меня большое впечатление, и я проникся глубоким уважением к молодому гусару. Тут же я обратил внимание, что и его подчиненные смотрели на него с какой-то особенной любовью. В его лице и манере говорить было что-то для меня необыкновенно знакомое и близкое, но я не мог припомнить, да и некогда было в этой сложной обстановке предаваться размышлениям.

Князь Олег Константинович в Императорском Александровском лицее.

Вскоре, в деревне Ласкендорф, мы присоединились к нашей отступающей, сильно потрепанной пехоте. Начальник штаба, куда мы немедленно явились, заинтересовался привезенными нами данными и стал записывать наши фамилии:

— Князь Олег Константинович,
— ответил на вопрос мой спутник.

Я был ошеломлен и сконфужен. Сколько раз видал я его маленьким полочанином в стенах нашего корпуса и не узнал.

Отдохнув 2 — 3 часа, подкормившись, чем Бог послал, мы разъехались, нагоняя каждый свою дивизию. За это короткое время мы оживленно беседовали, вспоминая кадетские годы, и тут же я ему рассказал о моей встрече с Великим Князем Константиновичем при переходе им границы в Эйдкунене. Расстались мы сердечно и дружески.

Вскоре Князь Олег Константинович пал смертью храбрых, а его отец недолго пережил сына. Господь взял их к Себе, избавив от тяжких испытаний, выпавших на долю их семьи и всех нас.

Борис ЛАЗАРЕВСКИЙ

КНЯЗЬ ОЛЕГ КОНСТАНТИ- НОВИЧ

Быть писателем — это моя самая большая мечта, и я уверен, убежден, что я никогда не потеряю желания писать.

*Из дневника Князя
Олега Константиновича.*

I

Где нет страдания, там нет глубокой мысли.

А страдает сильнее тот, кто больше наблюдает и яснее видит радости и печали других людей.

Такие организации не создаются ни воспитанием, ни окружающей средой, они, как и поэты, рождаются. И затем всю жизнь, несмотря ни на какие условия, рвутся к свету и любви, дающей им гораздо больше, чем реальное знание.

И живая масса людей, которая на грешной земле нашей заменяет глас Божий, в свою очередь, стихийно угадывает этих духовидцев и своих печальников и говорит:

— Вот он.

Когда был смертельно ранен Князь Олег Константинович, почему-то далеко не все поверили газетным сообщениям, что он ранен легко.

Так оно оказалось и на самом деле.

Во множестве сочувственных телеграмм, полученных родителями почившего, почти в каждой юноша был назван "светлым".

Ведь не сговаривались.

И отозвались люди самых разнообразных общественных положений. И летели эти телеграммы решительно со всех концов России и даже всей Европы. Значит, каждому прежде всего хотелось поставить именно это слово, а между тем напечатаны эти телеграммы не были, и многие совсем не знали убитого лично.

В строго определенном придворном этикете этот нежный, интимный

1954

эпитет звучит редко. А здесь и тоска безграничная, и сочувствие великое из края в край перекинулись и прозвенели серебряным звоном именно в этом слове.

И еще был замечен один факт: голоса тех немногих, которые хотели видеть в смерти юнош Олега простую случайность, раздавались недостаточно уверенно.

Его смерть вызвала целый ряд стихотворений, статей и воспоминаний самых разнообразных авторов и в самых разнообразных органах печати, вышедших почти одновременно. И за очень немногими исключениями везде мы видим все тот же эпитет — “светлый”. ...

II

Собственные слова Князя Олега, поставленные эпитафией перед началом этой статьи, яснее и определеннее всего говорят, к чему он стремился.

И на самом деле, Олег Константинович никогда не терял желания писать — с десяти лет и до последнего вздоха.

Относительно слабое здоровье и литературные занятия не всегда позволяли только что произведенному корнету всецело отдаться полку и военной службе, и познакомился он близко с офицерами уже на походе, после объявления мобилизации.

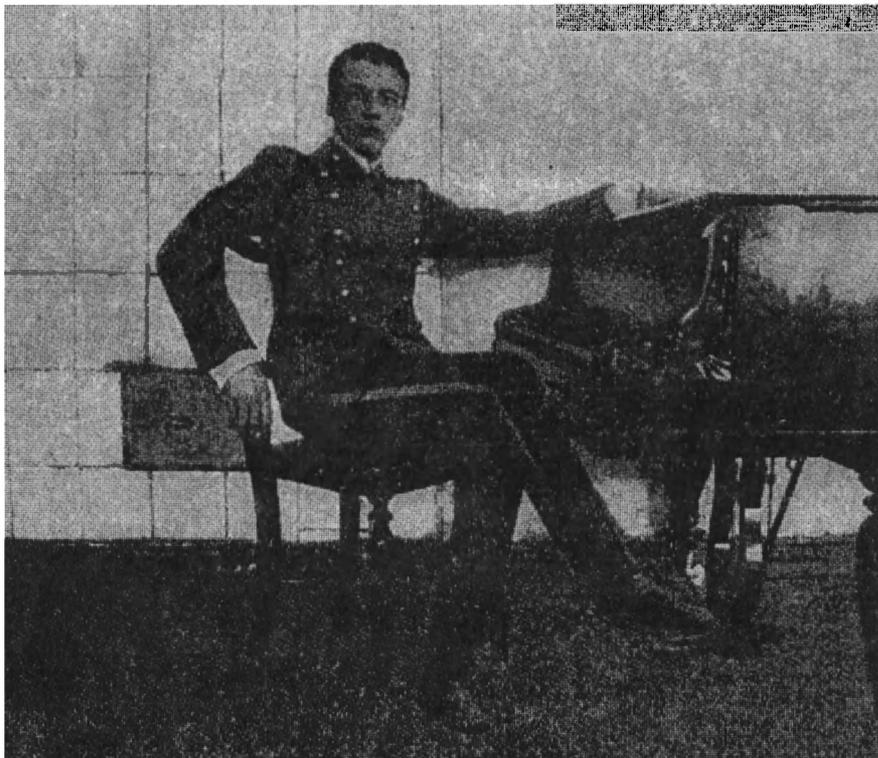
Но и здесь, на войне, он прежде всего берется за последовательное изложение всех действий полка и ведет летопись всего пережитого гусарами на прусской земле.

Как можно ближе старается он подойти к нижним чинам своего эскадрона. По этому поводу создано много рассказов, но для характеристики Олега Константиновича достаточно будет привести только один, вполне достоверный.

Корнет Князь Олег Константинович сидит на земле и пишет рядовому солдату письмо на родину. Письмо кончено. Князь встал и подал его солдату. Но солдат все еще чего-то ждет и переминается с ноги на ногу.

— Что тебе еще? — спрашивает Князь.

— Да окажите милость, Ваше Высочество, поставьте там, что письмо это писали Вы, осчастливьте стариков...

Князь Олег Константинович в родовом поместье.

Князь подумал, снова взял карандаш и добавил:

“Настоящее письмо вашего сына писал я, Олег Константинович”.

Прежде всего невольно приходит в голову, что солдат вообще не всегда обратится к офицеру с просьбой написать письмо, хотя бы потому, что есть множество хорошо умеющих писать рядовых. Значит, этот солдат на основании каких-то фактов учуял доброту и доступность высокопоставленного корнета, который зря не станет “подтягивать”.

Много говорит этот маленький эпизод и о самом светлом юноше, который в приписке обходит слово “Князь” и называет себя просто “Олег Константинович”, будто стесняется подавить громким титулом тех, которые будут читать это письмо в неведомой деревне.

Был ли Князь Олег на самом деле храбр, не увлекли ли его под пулю в первом боевом деле только аффект и юношеская горячность?

На этот вопрос может быть только один ответ:

— Да, на самом деле был храбр и доказал это не только там, на войне,

а гораздо раньше. Среди документов и рукописей почившего мы встречаемся с очень маленькой книжкой, в которую Князь Олег еще двенадцатилетним ребенком записывал все, что за день сделал с его точки зрения дурного. Смело, ясно и просто называет он вещи своими именами и не щадит себя.

Человек не храбрый на это неспособен.

III

Юноша вообще чувствует острее.

Люди не ангелы, а война не забава. И глядеть безучастно или только рассудочно на все, что переживает Россия, нелегко и взрослому человеку. Забота о собственном благополучии делается противной и стыдной, и хочется подвига, но далеко не все могут совершить не только подвиг, но даже просто оказаться полезными на грандиозном пожаре.

Как видно из дневников почившего, вечная жажда подвига была его характерной чертой, и когда настал час, Князь Олег меньше всего думал о себе и совершил этот подвиг в большей степени, чем кто-либо другой, и не потому, что поскакал

вперед, и не потому, что был не простой смертный.

Во всей его предыдущей жизни искусство вообще и в частности тяготение к художественной литературе и к изучению Пушкина было тем, что можно назвать “святая святых” человека. Юноше не хотелось быть только дилетантом, и, чтобы приблизиться к своим идеалам, он работал. В три года прошел курс юридического факультета, издал автографы Пушкина, написал несколько повестей и рассказов, много стихов и вел чрезвычайно интересный дневник, глубокомыслие которого может заставить призадуматься даже и скептиков.

Не хватало времени.

Пусть подумает читающий эти строки, сколько времени отнимало у Князя Олега одно только общественное положение, и станет ясно, что автор всех перечисленных работ за двадцать два года своей жизни сделал не простой студенческий труд, а двойной, тройной, чего без любви к делу достигнуть невозможно.

И эту любовь он принес в жертву Государю и России.

А ему несомненно хотелось идти дальше и дальше по пути искусства и знать как можно больше, чтобы не остаться на этом свете бесполезным.

Шаблонная прописная мораль утешала его только в детстве. Светлый Олег Константинович меньше всего знал о самом себе.

Не знал, что он не только Божию милостию Высочество, но что тою же Божию милостию он еще и художник-писатель. Стоит прочесть несколько страничек из последних его дневников, чтобы это увидеть и еще увидеть великую скромность, верную спутницу всякого таланта.

В художественном творчестве не важно, сколько написано, а важно — как написано. А у Олега Константиновича написано так, что:

1) не чувствуется никому подражания, т.е. ясно видна индивидуальность автора;

2) везде искренность милая и храбрая;

3) везде тоска о несовершенствах человеческой жизни и отвращение к той внешней культуре, которая иска-

жает в человеке образ и подобие Божие, и

4) везде чудесный стиль.

Эти четыре элемента весьма характерны для того, чтобы не было сомнения, что погиб не только смелый офицер, не только член Императорской фамилии, но погиб и настоящий художник... Художник, принесший в жертву долгу весь данный ему Богом талант, который вне всякого сомнения так или иначе проявился бы и не только в тетрадях дневников.

Великий Князь Константин Константинович (поэт “К.Р.”), отец Князя Олега. 1906.

IV

Князь Олег Константинович, несмотря на свои юношеские годы, часто думал о смерти.

Многие о ней думали и думают... Но, читая его дневники, невольно поражаешься, как он думал и когда думал.

Меньше всего, кажется, это было перед войной и даже на войне, а больше всего в деревне, под синим куполом неба, когда не грозила никакая опасность.

... Автор дневников ясно и смело говорит, что человеку лучше не существовать, когда он отойдет от природы, от Бога живого, а не искусственного.

И за всю свою короткую жизнь сам он ни разу никогда не уходил от Бога живого и, может быть, поэтому так рано и слился с Ним навсегда.

Оборвалась еще одна поэтическая, насыщенная правдой мысль, и сиротами остались его рукописи и объемистые дневники в белых кожаных переплетах.

V

... Во всех своих переживаниях Олег Константинович горел, и всегда определенно.

Чаще всего волновала светлого Князя фраза, когда-то сказанная его прадедом Императором Николаем I:

“Мы, Князья, обязаны высоко нести свой стяг, чтобы оправдать в глазах народа свое происхождение”.

И вечно думал Олег Константинович о том, как это осуществить. Еще в детстве он ответил самому себе:

— Работать и учиться, учиться...

И затем опять спрашивал себя:

— Но как учиться, чему учиться и где учиться?

Неизменно-близкий его сердцу, как поэт и человек, А.С.Пушкин учился в Царскосельском лицее, и Олег Константинович задумывает поступить в лицей и окончить высшее учебное заведение, как простой смертный. Но не таким легким делом оказалось для него это поступление, несмотря на блестящую подготовку...

В этот период своей жизни Олег Константинович похож на светлый горный ручей, который к весне журчал сильнее... Встретил на своем пути целый ряд препятствий, но пробился через них и опять засверкал на солнце.

После окончания лицея, после великокняжеского совершеннолетия (двадцать лет) и, наконец, после производства в офицеры, вдруг наступила почти полная самостоятельность.

Но вместе с нею должна начаться и новая работа и “оправдание перед народом своего происхождения”.

Но теперь Олег Константинович уже не спрашивает, в какой области ему трудиться, и ясно формулирует свое призвание:

“Быть писателем — это моя самая большая мечта, и я уверен, убежден, что я никогда не потеряю желания писать”...

VI

... Его решение идти вперед именно по этому пути остается бесповоротным. Он чувствует себя готовым и снова горит желанием осуществить свое мечту.

5-го мая 1912 года он пишет: “Мне

было бы теперь очень глупо умереть, так много поработав над собою". И далее: "Нет, прошло то время, когда можно было ничего не делать..."

Один из близких людей в день совершеннолетия Князя подарил ему крест, в роде наместительного. Такой крест Олег Константинович давно хотел иметь. И, вспоминая в своем дневнике об этом, он пишет: "Да, моя жизнь не удовольствие, не развлечение, а крест".

Во всяком случае с самого раннего детства это была сплошная работа, а под конец, главным образом, литературная.

... Храбро, просто и ясно рассказывает светлый Князь о том, что видел, что передумал и переживал в то время, когда у него весь день бывал распределен так, что не оставалось ни одного свободного пол часа.

Затем лицей, и работать нужно не как рядовому студенту. Мало было двадцати четырех часов в сутки. Тут же еще работа над факультетским сочинением и еще работа над изданием автографов Пушкина. Кто видел это издание, тот поймет, сколько в него вложено и труда, и любви.

VII

В 1913 году Олег Константинович пишет целый ряд великолепно сделанных очерков, под общим заглавием: "Сценки из собственной жизни".

В 1914 году, т.е. уже в год своей смерти, он собирается написать биографию своего Августейшего деда Великого Князя Константина Николаевича, который, как человек и государственный деятель, всегда был его идеалом, был тем, кто осуществил завет: "высоко держать свой стяг" и много передумал над судьбами горячо любимой России.

Идея создать такую биографию-повесть, вероятно, зародилась у Князя Олега во время пребывания в Крыму в "Ореанде", — этом лучшем уголке южного берега.

Глядя с высоты знаменитой беседки на бирюзовое, до боли глаз искрящееся море, нельзя не думать о дорогих отошедших, нельзя не думать о судьбах Родины, которая еще необъятнее, чем зеленоватое море, и в своих настроениях меняется так же, как и море...

Думали здесь Августейшие и дед, и сын, и внук, каждый по-своему...

Часть зимы 1914 года Олег Константинович провел, разбирая дневники и рукописи Великого Князя Константина Николаевича. Материал был богатейший, и будущий автор горел желанием приступить к работе.

Но это был уже 1914 год.

... Целый ряд неожиданных событий вдруг опрокинул намерения тех, кто был рожден

Для звуков сладких и молитв...

И обратились эти люди в борцов.

Загудел необъятный стихийный смерч и зажег еще сильнее и без того пылавшего Князя Олега.

Затем 29-е сентября 1914 года.

Ясный образ Князя стал еще светлее. Пророческие, фатальные слова Некрасова о том, что в жизни каждого писателя

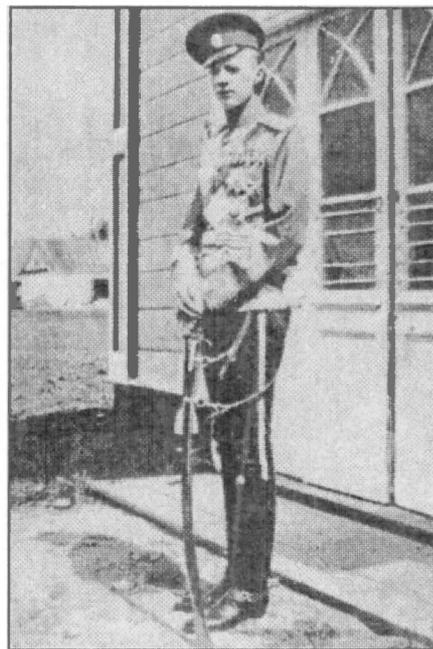
Что-то есть роковое,

исполнились и здесь и над ним, как и над Пушкиным, как и над Лермонтовым и над многими и многими...

И нет и не может быть утешения...

Разве одно, как луч солнца, через крохотную щелочку проходящее, что такому человеку, каким родился Князь Олег Константинович, во всяком случае нелегко жилось бы на земле.

Слишком темно кругом, а он был светлый.

Князь Олег Константинович - корнет Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. 1914.

ПРИМЕЧАНИЯ

Материалы, посвященные памяти Князя Олега Константиновича, печатаются по текстам публикаций:

Т.Л.Щепкина-Куперник. О, юный витязь, Князь Олег... // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. — 1914. — №46. — 4-я стр. обл.

А.Ленеха. В тылу у немцев // Военная Быль. Издание Обще-Кадетского Объединения. — 1954. — №9. — Стр.19.

Б.Лазаревский. Князь Олег Константинович // Нива. — 1915. — №40. — Стр.733 — 736. (Печатается с сокращениями).

Из стихотворений Князя Олега Константиновича: Посмертные стихотворения Князя Олега Константиновича // Нива. — 1915. — №40. — Стр.743.

А.Б.Никольская. На смерть Князя Олега Константиновича. — В кн.: Никольский Б.В. Его Высочество Князь Олег Константинович. — Петроград, 1914. — Стр. [15].

* * *

Остатки грозной Византии,
Постройки древних христиан,
Где пали гордые витии,
Где мудрый жил Юстиниан —
Вы здесь, свидетели былого,
Стоите в древней тишине
И точно хмуритесь сурово
На дряхлой греческой стене...
Воспряньте, греки и славяне!
Святыню вырвем у врагов,
И пусть царьградские христиане,
Разбив языческих богов,
Поднимут крест Святой Софии,
И слава древней Византии
Да устрашит еретиков.

1910

* * *

Гроза прошла... Как воздух свеж и чист!
Под каплей дождевой склонился скромный лист,
Не шелохнет и дремлет упоенный,
В небесный дивный дар влюбленный.
Ручей скользит по камешкам кремнистым,
По свежим берегам, по рощицам тенистым...
Отрадно, в сырости пленительной ручья,
Мечтами унести за трелью соловья...
Гроза прошла... а вместе с ней печаль,
И сладко на душе. Гляжу я смело вдаль,
И вновь зовет к себе отчизна дорогая,
Отчизна бедная, несчастная, святая.
Готов забыть я все: страданье, горе, слезы
И страсти гадкие, любовь и дружбу, грезы
И самого себя. Себя ли?... Да, себя,
О Русь, страданица святая, для Тебя.

1911

А. Никольская

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА

Без страха, прям, открыт и светел,
Как воплощенный правый гнев,
Врага он грудью в битве встретил,
Но Божий перст его отметил,
Его уста запечатлев.
Он жил лишь тем, что чисто и прекрасно.
Герой в душе, отчизны верный сын,
Он за нее помчался в бой опасный
Навстречу вражеских дружин.
Он жаждал подвига — и подвиг совершился:
Он отдал жизнь свою за то, чем в мире жил...
Запомни, край родной, кого ты в нем лишился,
Какой он жертвою свой подвиг освятил!
Он умер для земли, он стал добычей тленья,
Прекрасный, светлый, молодой,
Но в памяти людей он в сумраке забвенья
Зажжется яркою, немеркнувшей звездой.
А ныне, в скорбный час, с молитвами живыми
Услыши, Господи, наш горький плач земной
И в Царствии Твоем, с блаженными святыми,
Его бессмертный дух навеки упокой.

1914

ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

*Здесь священник в рясе дырявой
Умленно поет псалом.
Здесь играют мари величавый
Над едва заметным холмом...*

Николай Гумилев. 1915 г.

В августе 1914 г. силой роковых обстоятельств Российская Империя была ввергнута в пучину мировой войны, которая глубоко потрясла русское общество, порождая много идей и движений, от всеобщего национального воодушевления до жестокого отчаяния и возмущения, и стала прологом еще более страшной и трагической революционной эпохи.

События Великой войны, ее боль и слава, оказались перечеркнутыми переживаниями последующих десятилетий и основательно забыты или искажены официальной историографией. Среди множества военных музеев и мемориалов, рассеянных по всей стране, не так легко отыскать экспозиции или памятники, которые хранили бы память о первой мировой.

Между тем, уже в конце 1914 года в России зародилось особое направление музейно-мемориальной деятельности государственных и общественных учреждений, направленное на увековечение событий Великой войны. На фронте и в тылу стали возникать специальные центры, занимавшиеся сбором документального и вещевого, в первую очередь, трофейного материала, его упорядочением, описанием, организацией постоянных и передвижных выставок. В 1914 — 1916 гг. музеи и “архивы войны” были основаны в Москве, Петрограде, Минске, Варшаве, Киеве, Курске, Казани, Пензе, Туле, Костроме, Воронеже и других городах. В их устройстве и пополнении экспонатами принимали участие Императорская Академия наук, Российский Ис-

торический музей, Общество ревнителей истории, Комиссия по описанию боевых трофеев Русского воинства и старых Русских знамен, Комиссия для сбора, переписи и хранения трофеев настоящей войны и увековечения ее в памяти потомства, Георгиевский Комитет, полевые отделения Военно-ученого архива, губернские ученые архивные комиссии и т.п. Развивалось и частное коллекционирование аналогичной направленности¹.

В то же самое время огромные человеческие потери и разрушения, причиненные войной, породили в обществе потребность увековечить память ее героев и жертв. Скорбь о погибших нашла свое выражение в устройстве обелисков, часовен и храмов-памятников, как правило, вблизи братских могил и кладбищ, составлявших с ними единое целое как место поминовения и почитания усопших.

Особенно известно среди современников было Московское братское кладбище, открытое по инициативе Великой Княгини Елизаветы Федоровны 15 февраля 1915 г. во Всехсвятской роще в пяти верстах от Тверской заставы². Его устроители, гласный Московской городской думы, главный врач Александровской больницы С.В.Пучков, академик архитектуры А.В.Щусев, заведующий городскими насаждениями А.Н.Кельх и главный инженер по благоустройству города С.С.Шестаков стремились придать планировке и внешнему убранству кладбища особый мемориальный характер: скромные могилы без оград, украшенные лишь одинаковыми, невысокими деревянными крестами, располагались ровными рядами, словно строем, над прахом авиаторов были установлены пропеллеры, снятые с их боевых машин. Кладбище предполагалось обнести могилами в форме окопов, по краям устроить подобие фортов, расставить неприятельские трофейные орудия.

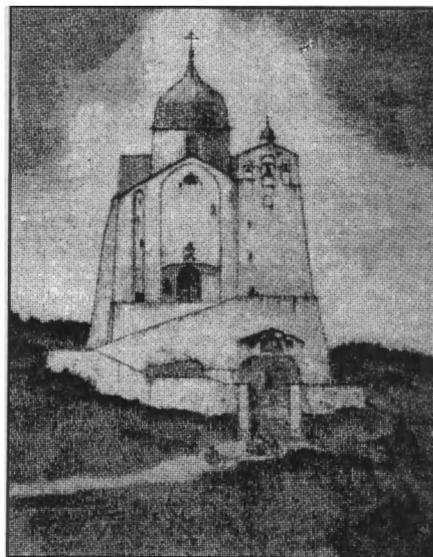
Ко дню открытия кладбища на нем была построена небольшая деревянная часовня, а 6 августа 1915 г.

состоялась закладка каменного трехэтажного храма во имя Преображения Господня с приделами во имя Архангела Михаила и Св. Андрея Первозванного в память и в первую годовщину смерти Андрея и Михаила Катковых, прах которых предполагалось перенести в склеп в нижней части храма. Братья Катковы, вольноопределяющийся и корнет Лейб-Гвардии Конного полка, погибли 6 августа 1914 г. в день Преображения, во время знаменитой атаки одним эскадроном Конногвардейцев под командованием ротмистра барона П.Н.Врангеля германской артиллерийской батареи под Каушеном в Восточной Пруссии.

Храм возводился по проекту А.В.Щусева на средства их родителей — подольского предводителя дворянства Андрея Михайловича Каткова и его жены Марии Владимировны, урожденной княжны Щербатовой. 8 ноября 1916 г. был освящен придел Архангела Михаила, а 15 января 1917 г. — придел Св. Андрея Первозванного и состоялась первая литургия и молебен. Служил настоятель церкви соседнего с братским кладбищем Сергиево-Елизаветинского убежища для увечных воинов отец П.В.Соколов. На богослужении присутствовала М.В.Каткова. Муж ее, не перенеся гибели сыновей, скончался после долгой болезни в декабре 1915 г.

Идея Московского братского кладбища как всероссийского памятника войны 1914 г. была особенно дорога его попечителю С.В.Пучкову. Неустанный благотворитель и общественный деятель, он с необыкновенным рвением взялся за это скорбное, но необходимое дело, не только занимаясь организацией захоронений и благоустройством кладбища, но и оказывая духовную поддержку родным и близким погибших солдат и офицеров. 9 апреля 1916 г. по его призыву сотни москвичей отстояли пасхальную утреню во Всехсвятской роще среди торжественно украшенных венками и свечами могил русских воинов.

24 апреля 1917 г. Пучков обратил-

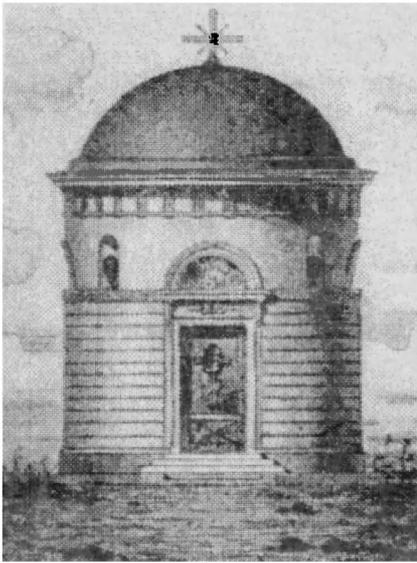
Я.Г.Гервиц. Проект каменной церкви-памятника. 1916.

ся в Московскую городскую думу по поводу устройства на братском кладбище Всероссийского музея войны как “наглядного памятника великих подвигов и жертв русского народа во время этого беспримерно грозного исторического события”. Помимо собрания различных орудий и снаряжения, соответствующих литературных и художественных произведений, на территории музея должна была быть представлена во всей полноте боевая жизнь русской армии: окопы, ходы сообщения, землянки, блиндажи, лисьи норы, артиллерийские наблюдательные пункты, проволочные заграждения и т.п., инсценировано действие артиллерии — разрушение укреплений, орудий, воронки от снарядов, действие удушливых газов, показаны картины жизни в лагерях для военнопленных, лазаретах, организация помощи раненым.

По замыслу Пучкова вся окружающая местность представила бы собой своеобразный военный городок, объединяющий музей войны, братское кладбище, Сергиево-Елизаветинское трудовое убежище для воинов японской войны с профессиональной школой для солдатских детей, Ходынский лагерь и лагерь

¹ ОПИ ГИМ. Ф.270. Ед.хр.38.

² Раздел о Московском братском кладбище написан на основе материалов, выявленных Н.Л.Зубовой, которой автор выражает сердечную благодарность.

Н.Н.Акат'ев. Проект каменной малой часовни. 1916.

Александровского военного училища.

Этому проекту не суждено было осуществиться. Не были установлены и предполагавшиеся организаторами кладбища несколько групповых памятников героям Великой войны.

Однако Московское братское кладбище осталось действующим до середины 20-х годов. Оно вдвойне оправдало свое название, дав последний приют жертвам Февральского и Октябрьского переворотов без различия их политических убеждений.

Всего на территории, занимавшей к 1917 г. около 25 десятин земли, было похоронено 17,5 тысяч рядовых, 581 человек командного состава, 51 сестра милосердия, 20 общественных деятелей и 14 врачей¹.

По данным историка архитектуры М.А.Александровского в 1918 г. под Рождество был освящен главный престол Преображенского храма, получившего иконостас и церковные предметы из ликвидированной тогда же соседней церкви Прп.Сергия и Прав.Елисаветы². Тяжелые времена помешали как следует обустроить и

украсить его. "Низенький, бедный, почти неприглядный", он вскоре разделил судьбу многих московских церквей, сметенный с лица земли "социалистической реконструкцией" вместе с беззащитными могилами воинов Российской Императорской армии, "мятежных" юнкеров, латышских стрелков, красноармейцев и расстрелянных на территории братского кладбища жертв московской Чрезвычайки. Сначала закрытое для захоронений кладбище именовалось парком, потом, оскверненное и разоренное, покрылось пустырями и огородами, а в 1950-е годы его территория была практически полностью застроена...

Самое известное и почитаемое, Московское братское кладбище не было единственным. Подобные захоронения — памятники воинской доблести существовали во многих городах и селениях России.

В 1915—1916 гг. было произведено предварительное устройство Братского военного кладбища и храма-памятника в г. Киеве, в местности, называемой Зверинец, вблизи Свято-Троицкого и Выдубецкого монастырей. Согласно историческому преданию именно здесь "выдыбал" из днепровских вод поверженный по приказу князя Владимира Перун, отчего и получил свое название монастырь. Впоследствии тут находился "Красный двор" — заповедное место княжеской охоты, "зверинец".

Участок, отведенный под кладбище, представлял собой "вершину крайне пересеченного и овражистого холма с обширным горизонтом во все стороны и, в особенности, в сторону долины Днепра". По окончательному проекту площадь Киевского братского кладбища составила около 11 десятин, оно располагалась на землях военного ведомства и устраивалось силами последнего. Комиссию по постройке храма-памятника и устройству кладбища возглавлял комендант г. Киева генерал-лейтенант П.В.Медер, проекты и сметы утверж-

дались главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта генерал-лейтенантом Н.И.Ивановым. Работы велись военнопленными под руководством Крепостного инженерного управления.

12 июня 1916 г. в присутствии Императрицы Марии Федоровны и генерал-лейтенанта Иванова состоялась закладка каменного двухэтажного храма-памятника, спроектированного архитекторами П.П. Фетисовым и В.Н.Рыковым в "древнем псковско-новгородском стиле". Верхняя церковь строилась во имя Св. Николая Чудотворца, нижняя — во имя Св. Алексия, Митрополита Московского. В нижней церкви и в особых нишах подпорной стены площадки были намечены погребения особо выдающихся участников войны.

Одновременно шли работы на местности, распланированной амфитеатром в виде "древнего петровского укрепления". Холму была придана форма трехгранной пирамиды, увенчанной храмом-памятником. Ближайшие к вершине площадки предназначались для офицерских могил, более отдаленные — для захоронения нижних чинов, участки за оградой — для могил воинов нехристианских вероисповеданий.

Вокруг кладбища возводилась каменная стена со звонницей, главными и нижними воротами и пятью сторожевыми башнями в стиле храма. К концу 1916 г. земляные работы были в основном завершены, ожидали лишь осадки грунта, чтобы начать захоронения. Предполагался перенос прахов с других кладбищ и устройство братских могил отдельными воинскими частями. Храм был тоже почти закончен, но нехватка железобетона мешала возвести шатер. В планы Комиссии входила также постройка инвалидного дома для нетрудоспособных офицеров и нижних чинов и небольшого музея трофеев³.

Отсутствие денежных средств и строительных материалов, а затем революция и Гражданская война сде-

¹ ОПИ ГИМ. Ф.402. Ед.хр.264-265; Ф.465. Ед.хр.4. Лл.440,515.

² Там же. Ф.465. Ед.хр.4. Л.515; Ф.402. Ед.хр.979. Л.21.

³ РГВИА. Ф.16180. Оп.1. Ед.хр.155.

Епископ Иоасаф совершает панихиду на Московском братском кладбище. 1917.

дали невозможным выполнение этих проектов. До середины 1930-х годов местность Зверинца была покрыта пустырями, а затем отдана под застройку и здесь “вырос новый рабочий поселок”¹.

Братские кладбища и усыпальницы, как правило, устраивались поблизости и на территории уже существующих кладбищ. В Петрограде для этой цели был отведен специальный участок на Преображенском военном кладбище и подготовлена площадка для храма-памятника. Храм-памятник воинам, погибшим в войну 1914 г., во имя Св.Иоанна Богослова был возведен на одноименном кладбище на Выборгской стороне, по-видимому, по проекту архитектора В.Н.Боброва². 2 октября 1916 г. газеты сообщали о торжественном поднятии на него крестов и колоколов. Усыпальница для офицеров Лейб-Гвардии Финляндского полка была сооружена на Смоленском кладбище. 22 ноября 1914 г. в склеп, “заботливо и крепко выложенный

кирпичем”, были опущены первые привезенные с фронта тела Финляндцев: капитана Константина Висленева, поручика Алексея Волкова и подпоручика Николая Пальчевского. В полковой летописи запечатлена картина торжественного отпевания и похорон при большом стечении народа, “идушего проводить в последний путь защитников России”³.

Особые усыпальницы для погибших на войне офицеров создавались и в других гвардейских полках. В 1915 г. была построена усыпальница при полковой церкви Архангела Михаила на Сампсониевском проспекте для Лейб-Гвардии Московского полка. Она представляла собой небольшую, сообщающуюся с церковью пристройку в русском стиле⁴.

В 1915 г. Императорское общество архитекторов и художников объявило конкурс на проект усыпальницы для павших офицеров Лейб-Гвардии Преображенского полка в ограде Преображенского Всея Гвардии собора на Преображенской

площади в Петрограде. Она должна была “явиться вечною хранительницей праха героев, павших в Великую войну за светлое будущее своей Родины”. Там же на специальных досках должны были быть увековечены имена офицеров полка, оставшихся на полях сражений, и всех погибших в годы войны нижних чинов-преображенцев. Пока подводились итоги конкурса, полковник граф К.Н.Литке вел переписку с родными своих погибших однополчан о переносе их праха в полковую усыпальницу. Предложения эти принимались с великой благодарностью как знак особого признания воинского подвига усопших. “Для офицера, павшего в бою, не может быть лучшего памятника, как покоиться в полковом соборе среди товарищей-однополчан, павших за великое дело защиты Родины”, — писал ему брат погибшего прапорщика Лейб-Гвардии Преображенского полка М.П.Валуева⁵. Конкурс был завершен в апреле 1916 г. Победителями его стали С.Б. и В.И.Савицкие с проектом “Преображенцы”. Получили премии также работы архитекторов-художников Н.А.Трикуленко, С.Н.Антонова, А.Я.Крамарева и С.И.Овсянникова. Однако усыпальница так и не была построена⁶.

Аналогичный конкурс был объявлен в сентябре 1917 г. на проект подземной церкви-усыпальницы под сводами полкового Троицкого собора Лейб-Гвардии Измайловского полка. Работы на него уже не представлялись⁷.

Как памятник погибшим в первую мировую войну использовалась церковь-усыпальница Лейб-Гвардии Семеновского полка во имя Св. Мученика Иакова, устроенная еще в начале века под сводом церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы⁸.

(Окончание следует)

¹ См. РГВИА. Там же; *Щероцкий К.В.* Киев: Путеводитель. — Киев, 1918.

² Храмы Петербурга: Справочник-путеводитель. — СПб, 1992.

³ ОПИ ГИМ. Ф.137. Ед.хр.201.

⁴ *Исакова Е.В.* Храмы — памятники русской военной доблести. — М., 1991. — С.58.

⁵ ОПИ ГИМ. Ф.137. Ед.хр.154. Л.12.

⁶ См.: Архитектурно-художественный ежегодник. — Пг. — 1915 — 1916; Зодчий. — Пг. — 1915 — 1916.

⁷ *Исакова Е.В.* Указ. соч. — С.58.

⁸ Там же.

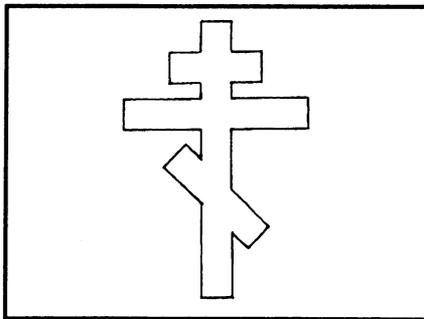
ХРИСТИАНСКИЙ РЫЦАРЬ

*Добрый конь подо мной,
Сам Господь надо мной.*

Кто в Российской Императорской кавалерии не знал графа Келлера?!

От Русской Армии, в последние десятилетия ее славной истории, неотделима была его высокая фигура, до старости сохранившая юношескую художбу и гибкость, лицо с внушительными “кавалерийскими” усами, громовой командный голос, слава сурового и требовательного, но и заботливого начальника. Во всем — от внешности до убеждений, от подвигов до чудачеств, — Свиты Его Величества генерал-от-кавалерии граф Федор Артурович Келлер воплощал собою дух Российского воинства, дух Суворова и Багратиона, Кульнева и Милорадовича, Ермолова и Скобелева...

Сорок лет служил граф Келлер Российской Империи, впервые понохав порошу еще в последнюю из Турецких войн. Он отправился на нее девятнадцатилетним юношей без ведома своих родителей, после окончания пригготовительного пансиона Николаевского Кавалерийского училища вступив вольноопределяющимся второго разряда в 1-ый Лейб-драгунский Московский Его Величества полк. Еще формально не состоя в военной службе (которая для него официально “считалась с 1877 года Сентября 1 дня”), 30 августа он выступает с полком на театр военных действий. Известные из военной истории названия — Силистрия, Туртукай, Плевна, Шипка, Адрианополь — места первых боев молодого “вольнопера”. Там, в отряде славного Скобелева, получает он и первые свои боевые награды — знаки отличия Военного Ордена IV-ой степени — “за отличия в делах под Шейновым”, — и III-ей — “за занятие станции Семенли Тернова”. Впрочем, о своем награждении граф через тридцать лет скромно рассказывал своему подчиненному С.А.Топоркову так: “Сам не знаю, за что! Первый крест

Нарукавный знак Северной Армии, учрежденный графом Ф.А.Келлером в ноябре 1918 года

получил по своей неопытности: ординарцем вез приказание и вместо штаба наскочил на турецкий окоп. Турки обстреляли меня, а начальство увидало и наградило. А второй крест за то, что проскакал горящий мост. Вот и все!..”

“Вот и все”, — но солдатскими Георгиями Ф.А.Келлер гордился всю жизнь и не снимал их, даже достигнув генеральских чинов. А в первый офицерский чин (в прапорщики) он был произведен за отличие “Высочайшим приказом в 31 день Марта 1878 года”, через полтора месяца выдержав в Тверском Кавалерийском юнкерском училище экзамен на право производства в следующие чины. Через два года по распоряжению начальства корнет Келлер переводится в 6-ой гусарский Клястицкий полк и тянет в нем обычную служебную лямку от корнета до ротмистра, более семи лет командуя эскадроном, а в 1888 — 1889 гг. проходит обучение в Офицерской Кавалерийской школе (в отделе эскадронных командиров), окончив курс “отлично”. В штаб-офицерских чинах (а и в подполковники в 1894, и в полковники в 1901 году он был произведен “за отличия по службе”) граф Келлер служит в 24-ом драгунском Лубенском, 23-ем драгунском Вознесенском, 11-ом драгунском Харьковском полках, командует Крымским дивизионом, а затем — 15-ым драгунским Александровским и Лейб-Гвардии Драгунским полками. В 1907 году полковник

Келлер назначается флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству, а через четыре месяца производится в генерал-майоры (опять же “за отличие”) с зачислением в Свиту Его Величества. Два года (1910 — 1912) он командовал 1-ой бригадой Кавказской кавалерийской дивизии, а Великую войну встретил генерал-лейтенантом, в должности начальника 10-ой кавалерийской дивизии.

Отличный строевик, неоднократно бравший призы за стрельбу, рубку и верховую езду, “весьма искусно”, по воспоминаниям подчиненных, отбивавшийся пикой от пяти всадников, граф Федор Артурович представлял собой идеал службиста в лучшем смысле этого слова. “Службу я люблю и работаю с восьми часов утра до восьми часов вечера и с восьми часов вечера до восьми часов утра. Надеюсь, что все мы так же будем работать”, — так знакомился граф Келлер с офицерами, вступая в командование Александровским полком. (Александровцы, а впоследствии 1-ый Оренбургский Наследника Цесаревича полк, входивший в 10-ую кавалерийскую дивизию, были его любимыми полками.) И действительно, суровый и требовательный командир немилосердно гонял своих подчиненных, готовя их к будущей боевой работе и стремясь развить в каждом солдате инициативу, самостоятельность и понимание своего места в бою. Свои взгляды на обучение солдата он изложил в серии брошюр “Несколько кавалерийских вопросов”, изданной в Петербурге. “Ознакомившись близко с нашим солдатом, прозаведываяв пять лет новобранцами, прокомандовав более десяти лет эскадронами и девять лет отдельными частями (брошюра написана в 1910 году. — А.К.), я убедился в том, что все зависит от воспитания и обучения нашего солдата, — писал Ф.А.Келлер. — ... Если дать нашему солдату поуправлять самостоятельно конем, требовать сознательной езды, сознательного испол-

нения всякой команды и приема, если похвалить и поощрить его за сметку, находчивость и самостоятельность решения в дозоре или разъезде, которое он при обыкновенном воспитании боится проявить, то получится рассуждающий, находчивый, умный человек, интересующийся конным делом и легко схватывающий даже сложную обстановку”.

Одиночная выездка, обязательно в поле (манежа не признавал!), рубка лозы, стрельба с коня на скаку по разложенным на земле бумажным мишеням, на маневрах — переправы через реки вплавь, без мостов и бродов, невыполнимые приказы, которые выполнялись после грозного начальственного окрика: “Да потрудитесь!” — так готовил своих солдат к войне граф Келлер. И известие о начале войны в его 10-ой кавалерийской дивизии, по воспоминаниям одного из офицеров, было встречено “с большим подъемом и большою уверенностью в себе”. Хорошо подготовленные к боевой работе полки любили своего командира и верили ему, и слава графа Келлера в 1914 — 1916 гг. неотделима от славы его полков. “В победных реляциях Юго-Западного фронта все чаще и чаще упоминались имена двух кавалерийских начальников — только двух — конница в эту войну перестала быть “царицей поля сражения” — графа Келлера и Каледина, одинаково храбрых, но совершенно противоположных по характеру: один пылкий, увлекающийся, иногда безрассудно, другой спокойный и упорный”, — писал позднее генерал А.И.Деникин, вспоминая, что Келлер вел в бой свои войска “эффектно и красиво, как на батальных полотнах старой школы”, но при этом без всякой преднамеренной рисовки — “это выходило само собой”...

Иногда кажется, что судьба, несмотря на всю свою прихотливость, имеет какие-то внутренние закономерности, и не случайно именно личность прирожденного кавалериста графа Келлера навсегда осталась связанной с боем под деревней Ярославлице 8 августа 1914 года, названным военными историками “последним конным боем” Великой войны (а

Генерал граф Федор Артурович Келлер

может быть, и всей мировой истории: столкновения конных масс в 1919 — 1920 гг. в счет не идут, так как законы Гражданской войны значительно отличались от “классических”). Под Ярославлицами столкнулись две кавалерийские дивизии: на подготавлившуюся к бою, построенную в несколько линий и занимавшую выгодную позицию на возвышенностях австрийскую 4-ую кавдивизию генерала Э.Зарембы (21 эскадрон) граф Келлер, не задумываясь, бросил 10 (по другим источникам, 7) эскадронов Новгородских драгун, Одесских улан и Ингерманландских гусар, бывших в этот момент у него под рукой (Оренбургские казаки ввязались в бой с приданным дивизии Зарембы ландверным полком). Рискованные действия русского начальника дивизии могли бы окончиться плачевно, если бы... граф Келлер не был бы самим собой.

“Генерал граф Келлер обладал присущей только выдающимся военачальникам способностью наэлектризовывать войска, воодушевлять и увлекать массу на самые отчаянные и опасные предприятия, на блестящие подвиги и на тяжелые жертвы”, — писал о своем командире участник того боя, полковник А.Сливинский. И исход боя был решен как этим счастливым талантом русского полко-

водца, так и его личным мужеством и самоотверженностью. В самую трудную минуту, когда между уланскими и драгунскими эскадронами прорвался свежий эскадрон австрийских драгун (из второй линии), граф со штабом и взводом Оренбургских казаков своего конвоя лично бросился на врага и боковым ударом смял его... А тем временем предусмотрительно расположенные Келлером за левым флангом дивизии, уступом, два эскадрона Ингерманландских гусар под командой ротмистра Барбовича (будущего известного кавалерийского генерала Белой армии) стремительно выдвинулись вперед и, охватывая фланг противника, опрокинули и погнали его. Преследование скоро превратилось в избиение. До 300 убитых и тяжело раненых австрийцев осталось на поле боя, более 650 человек было взято в плен, 8 орудий, пулеметы, дивизионная походная канцелярия стали нашими трофеями, — при 150 убитых с нашей стороны. “Бой 10-ой кавалерийской дивизии 8/21 августа 1914 года представляет редчайшее явление в событиях Великой Европейской войны, являя собой типичный образец кавалерийского боя со всеми фазами его развития, исключительный как по количеству участвовавших в схватке всадников, так и по наличию в нем чисто кавалерийского “choc’a” (здесь: лобового столкновения конных частей. — А.К.)”, — так оценивал этот бой полковник Сливинский.

Крупных кавалерийских сражений больше не было, но война продолжалась. За геройские действия во главе 10-ой кавалерийской дивизии, а позднее — 3-го конного корпуса граф Келлер удостоивается награждения Орденом Св. Георгия IV-ой (1914) и III-ей (1915) степеней и Георгиевским Оружием (1916). Еще в конце 1914 года Императрица Александра Феодоровна, шефским полком которой граф Федор Артурович командовал в мирное время (15-ым драгунским Александрийским в 1904 — 1906 гг.), так отзывалась о нем в разговоре с офицером-Александрийцем С.А.Топорковым: “Ваш бывший командир полка граф Келлер делает что-то невероятное. Со своею

Государь Император Николай Александрович в форме пластуна Кубанского казачьего войска (в такой форме Он был в дни отречения)

дивизию он перешел уже Карпаты и несмотря на то, что Государь просит его быть поосторожнее, он отвечает Ему: "иду вперед". Большой он молодец..."

Так выглядели действия графа Келлера со стороны, из далекого Петрограда. На людей же, видевших его в боевой обстановке, они производили еще более сильное впечатление, и недаром старый генерал (который, несмотря на свои шестьдесят лет, всегда старался быть поближе к бою) был кумиром как офицеров, так и солдат. Генерал П.Н.Краснов, также послуживший под его началом, так описывал один из эпизодов прорыва 3-им конным корпусом австрийских укрепленных позиций в Буковине в конце апреля 1915 года, за который Ф.А.Келлер был награжден Орденом Св. Георгия III-ей степени:

"Я помню, как г[раф] Келлер повел нас на штурм Ржавендов и Топоуроца. Молчаливо, весенним утром на черном пахотном поле выстроились 48 эскадронов и сотен и 4 конные батареи. Раздались звуки труб, и на громадном коне, окруженный свитой, под развевающимся своим значком явился граф Келлер. Он что-то сказал солдатам и казакам. Никто ничего не слышал, но заревела солдатская масса "ура", заглушая звуки труб, и потянулись по грязным весен-

ним дорогам колонны. И когда был бой — казалось, что граф тут же и вот-вот появится со своим значком. И он был тут, он был в поле, и его видели даже там, где его не было. И шли на штурм весело и смело"... "Светлым ореолом был окружен этот военный до мозга костей человек", — вспоминал бывший начальник штаба 10-ой кавалерийской дивизии генерал-лейтенант А.В.Черячукин.

Но беспощадная История потребовала от старого генерала, помимо обычного мужества солдата, еще и другого рода мужества... И в первые дни "Российской республики", в марте 1917 года, граф Келлер стал одним из немногих старших начальников, которые решительно заявили о верности вероломно свергнутому Государю.

Судьба графа Келлера вступала в свой трагический период.

* * *

Телеграфные известия из Петрограда об отречении Императора, смутные и неопределенные, вселявшие тревогу за будущее России, не могли не насторожить убежденного монархиста графа Келлера, ни минуты не скрывавшего своего неприятия начинавшихся перемен. По воспоминаниям А.Г.Шкуро, командир 3-го конного корпуса собрал представителей от каждой сотни и эскадрона вверенных ему частей:

" — Я получил депешу, — сказал граф Келлер, — об отречении Государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал Царю (цитирую по памяти): "3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя".

— Ура, ура! — закричали драгуны, казаки, гусары. — Поддержим все, не дадим в обиду Императора.

Подъем был колоссальный. Все хотели спешить на выручку плененного, как нам казалось, Государя..."

Но подъем солдатской массы не был разделен старшими начальниками. Последовав общему течению со-

битый, опасаясь неповиновением разжечь междоусобную рознь, гибельную для воюющей Державы (никто не знал, что эта рознь вскоре придет в войска "сверху" с преступным Приказом №1), — начальники кавалерийских дивизий репили присягнуть новому правительству, по слав при этом ему адрес, содержащий призыв к "более энергичному проявлению своей воли". Независимая позиция графа Келлера вызывала у них опасения, что присяга будет сорвана; и в штаб 3-го конного корпуса, расположенный в городке Оргееве, выехал из Кишинева начальник 12-ой кавалерийской дивизии генерал-лейтенант барон К.Маннергейм, уполномоченный своими товарищами если и не уговорить старого генерала присягнуть самому, то по крайней мере убедить его не удерживать от этого подчиненные и преданные ему войска.

Воспоминания генерал-майора Н.В.Шинкаренко, сопровождавшего Маннергейма, сохранили для нас атмосферу этого вечера и "носившуюся в воздухе, застилавшую Оргеев и этот маленький домик штаба корпуса, грусть". "Тихо говорящие и бесшумнодвигающиеся люди. Впечатление такое, точно в доме кто-то тяжело болен".

Генералы переговорили наедине.

Позиция графа Келлера осталась непоколебимой, и напрасно генерал Маннергейм уговаривал его "пожертвовать личными политическими убеждениями для блага армии". Убеждения были вовсе не политическими — отнюдь не из пристрастия к какому-либо строю или форме правления, а руководствуясь нравственными побуждениями, оставался старый воин верным своему Государю, и ответ его заслуживает того, чтобы навеки остаться в Истории:

— Я христианин. И думаю, что грешно менять присягу.

Генерал Шинкаренко сказал по этому поводу: "Он был больше, чем христианин — христианский рыцарь..."

А то, что позиция графа Келлера имела не политические, а моральные основания, еще раз подтвердилось нежеланием старого генерала вмешиваться в процедуру принятия присяги 3-им конным корпусом. Не пол-

учив от Царя ответа на свою телеграмму, граф не предпринял ни одной попытки решительных действий, быть может надеясь, что его полки будут столь же непоколебимы в верности Государю, как и он сам. “Впрочем, можно думать, что его мало интересовало, как поступят его офицеры и солдаты, — писал Н.В.Шинкаренко. — Он знал, как надо поступать ему самому, и поступал так”.

Но ожидания Келлера, если они и были, не оправдались. У старого воина не оказалось союзников, столь же верных Престолу и собственной совести, — таких же христианских рыцарей, готовых умереть, но не нарушить крестного целования. Быть может, у единственного в России, нашлись у него и душевная зоркость, чтобы разглядеть границу, заступить за которую нельзя, и душевное мужество, чтобы открыто исповедовать свою веру. И в минуту всеобщего ослепления, когда даже лучшие — “из благих побуждений” — совершали поступки, ведущие Россию все дальше и дальше по роковому пути, когда будущий отец Белого Дела генерал Алексеев советовал Императору отречься, а будущий вождь Добровольческой Армии генерал Корнилов брал Государыню под арест, — ни шагу не сделал по этому пути граф Келлер.

Но “за Веру и Верность” свою (давний девиз Императорской Гвардии) генерал-от-кавалерии граф Келлер, под угрозой объявления бунтовщиком, был отрешен от командования корпусом. Он подчинился этому приказу, и только напоследок, прощаясь с войсками, пропускал мимо себя полки под звуки Русского Гимна — “Боже, Царя храни”... Вокруг него сгушалась атмосфера злобы и ненависти, и недаром — “просто и обыденно”, по воспоминаниям собеседника, — вырвались у него однажды горькие слова:

— Я уже свяксы с мыслью, что ко мне в один прекрасный день придут и убьют...

Он никогда не боялся смерти, доказательством чему две раны, полученные им на поле брани; не боялся он и предательского удара из-за угла — ведь дважды в польском городе Калуше, во время командования Келлера Александрийским полком,

террористы бросали в генерала бомбы, и раненный 52-мя (!) осколками, он хромал до конца жизни... Но теперь судьба готовила старому воину новый, едва ли не самый страшный для русского генерала удар: “придти и убить” могли не “враги внешние” и не партийные бомбисты, а поддавшиеся соблазну революционной вседозволенности, опьяненные разгулом “свободы” и теряющие нравственные ориентиры солдаты...

Впрочем, солдаты еще сохраняли уважение к своему командиру. И когда, после отрешения от должности, он был под конвоем отправлен с фронта, произошла странная вещь: конвой, воспользовавшись сном конвоируемого ... сбежал от него, видимо, тяготясь своим положением. Граф Келлер благополучно доехал до Харькова, где ему и предстояло прожить более года, увидеть крушение Российского Государства и пережить позор германской оккупации.

Все это время граф вел замкнутый, уединенный образ жизни (по некоторым свидетельствам, он писал воспоминания о Великой войне, к сожалению, скорее всего, утраченные). Особенно уязвляло старого воина присутствие на Украине немецких войск, вступивших туда весной 1918 года, и в июне он даже говорил генерал-майору Б.И.Казановичу, что “почти не выходит на улицу, так как не переносит вида немецких касок”. Именно поэтому он с недоверием относился и к организуемой в Киеве союзом “Наша Родина” так называемой “Южной Армии”, руководитель которой герцог Георгий Лейхтенбергский считал, что немцы “пришли на Украину не как враги, а как друзья”. Своему бывшему подчиненному полковнику Топоркову, одно время связанному с этой организацией, граф даже посоветовал снять нарукавный шеврон Южной Армии (государственных, или “романовских” цветов), “дабы не быть скомпрометированным впоследствии”. Впрочем, и руководство Южной Армии так же недоверчиво относилось к графу Келлеру, несмотря на кажущееся совпадение монархических позиций. Возглавлявший союз “Наша Родина” М.Е.Акацатов (“присяжный поверен-

Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, в 1918 году передавший графу Келлеру свое благословение

ный с неприятным лицом, неприятным, резким и хриплым голосом и злым языком”, по характеристике герцога Лейхтенбергского), рьяный монархист, позднее перекарасившийся в “зеленого”, всячески противодействовал попыткам пригласить Келлера на должность командующего Армией, “находя неудобным брать его из-за его немецкой фамилии” (!); и сам герцог, сознавая, что “прямой, цельный характер” Федора Артуровича не позволил бы ему перейти в подчинение или хотя бы под контроль германских оккупационных властей, тоже отверг подобные планы, несмотря на то, что в рядах Южной Армии было немало офицеров, с радостью ставших бы под командование легендарного генерала.

Наверное, скептическая оценка графом Келлером деятельности Акацатова и герцога Лейхтенбергского была вполне справедлива: серьезной роли в Гражданской войне их Южная Армия так и не сыграла, лишь понапрасну отвлекая в свои ряды желающих бороться с большевиками офицеров и компрометируя монархическую идею сотрудничеством с немцами. Но Келлер не видел приемлемой альтернативы и в Добро-

Свиты Его Величества генерал-лейтенант П. П. Скоропадский, в апреле - декабре 1918 г. бывший "Гетманом всея Украины"

вольческой Армии, и на предложение генерала Казановича вступить в ее ряды также отвечал отказом: "непредрешенческая" позиция Алексева и Деникина не могла удовлетворить искреннего монархиста. "Объединение России великое дело, — писал граф Верховному Руководителю Добровольческой Армии генералу Алексеву в июне 1918 года, — но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый даже Ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, которым может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете..." Вряд ли мог Келлер побороть в себе и скрытую неприязнь к руководству Добровольческой Армии, основатели которой — М. В. Алексева и Л. Г. Корнилов — сыграли весьма двусмысленную роль в Февральском перевороте. Эта неприязнь прорвалась у графа, например, в словах, сказанных о Корнилове еще при его жизни: "Корнилов — революционный генерал... пускай пытается спасти российскую демократию... Я же могу повести армию только с Богом в сердце и с Царем в душе. Только вера в Бога и мощь Царя могут спасти нас, только старая армия и всенародное раскаяние могут спасти Россию, а не демократическая армия и "свободный" народ. Мы

видим, к чему привела нас свобода: к позору и невиданному унижению".

И мнение о Добровольческой Армии как об армии "демократической" не изменилось у Келлера и после посещения им Екатеринодара, освобожденного от большевиков в начале августа. В самом деле, можно только догадываться, какие чувства мог испытывать старый монархист к армии, поющей "мы былого не жалеем, царь нам не кумир" (гимн Корниловского ударного полка, черно-красная символика двухцветных погон которого истолковывалась злыми языками как "земля и воля")...

В то же время, даже не приемля взглядов Деникина, Келлер настоятельно рекомендовал ему объединить руководство всеми анти-большевицкими силами, действующими на Юге России. Но трения между командованием Добровольческой Армии и Донским Атаманом П. Н. Красновым (не говоря уже о Гетмане Украины П. П. Скоропадском с его кровенно германфильской политикой) делали подобное объединение невозможным. Ничего не добившись, граф Федор Артурович возвращается в Харьков.

Туда к нему и приехали в конце октября члены Государственной Думы Дерюгин, Лавриновский, Горский, сенатор Туган-Барановский и Ветчинкин, именовавшие себя "Советом обороны Северо-Западной Области". Рассказав Келлеру об организации Белых отрядов в районе Пскова (по другим источникам — Вильны или Двинска), они предложили ему возглавить имеющую быть сформированной "Северную Армию", независимую от германского командования и монархическую по своей идеологии. Это предложение было с радостью принято, ибо вынужденное бездействие давно тяготило старого генерала ("принять активное участие в борьбе с большевиками он очень хотел, но только при условии, чтобы эта борьба велась открыто именем самодержавного Царя всея Руси", — писал о Келлере генерал-лейтенант П. И. Залесский). Графу показалось, что он наконец-то нашел союзников и помощников среди "общественности", о которой ранее говорил так: "часть интеллигенции держится союзнической ориента-

ции, другая, большая часть — приверженцы немецкой ориентации, но те и другие забыли о своей русской ориентации". Ему не суждено было узнать, что он вновь был обманут в своих ожиданиях. Больно говорить, но трагическая и преждевременная гибель уберегла его еще от одного разочарования — приехав в Псков, он бы ничего не нашел там, кроме разрозненных и слабых полу-партизанских отрядов, зависимых от немцев, не имевших дисциплины и не доверявших своему командиру, генерал-майору Вандаму... Деятельность же "Совета обороны" при ближайшем рассмотрении вызывает сильные подозрения, т. к. его представители (Г. М. Дерюгин и Н. Н. Лавриновский), вернувшиеся в Псков в середине ноября, привезли с собой явную фальшивку — якобы заключенный в Киеве "договор Совета обороны с графом Келлером", содержащий немислимые для всякого военного человека пункты (назначение и смещение командарма "Советом", полную подконтрольность действий командования Армии "Совету" и т. п.), которые властный и самолюбивый граф Федор Артурович просто не мог подписать. Но скорее всего, это политиканство "общественных деятелей" так и осталось для него тайной...

* * *

Поверив рассказам "Совета обороны", граф Келлер приступил к формированию штаба Северной Армии. В выпущенном в это время воззвании ("Призыв старого солдата") он обращается к своим боевым товарищам:

"Во время трех лет войны, сражаясь вместе с вами на полях Галиции, в Буковине, на Карпатских горах, в Венгрии и Румынии, я принимал часто рискованные решения, но на авантюры я вас не вел никогда.

Теперь настала пора, когда я вновь зову вас за собою и сам уезжаю с первым отходящим поездом в Киев, а оттуда в Псков...

За Веру, Царя и Отечество мы присягали сложить свои головы — настало время исполнить свой долг...

Время терять некогда — каждая минута дорога!

Вспомните и прочтите молитву

перед боем, — ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знаменем и с Божьей помощью вперед за Веру, за Царя и за целую неделимую нашу родину Россию".

И старый воин действительно не терял ни минуты. Уже 30 октября (все даты указаны по старому стилю) он приезжает в Киев, где продолжает собирать вокруг себя офицеров для будущей армии. В это же время им был установлен и нарукавный знак Северной Армии — Православный осмиконечный серебряный Крест (а возможно, и нагрудный знак — так называемый "Крест генерала Келлера", вопреки распространенному мнению, скорее всего не являвшийся наградой). На второй день своего пребывания в Киеве граф направил генералу Деникину телеграмму с вопросом, признает ли тот его командующим "Северо-Западной Псковской монархической армией" (как видно, даже название армии в этот момент еще не устоялось), выражая готовность, в случае отрицательного ответа, отказаться от этой должности. Главнокомандующий Добровольческой Армией ответил принципиальным одобрением деятельности Келлера, что позволило тому считать себя подчиненным Деникина (несмотря не только на расхождение во взглядах, но и на явное неравенство чинов и старшинства).

К середине ноября граф Келлер посчитал свою подготовительную работу по созданию Северной Армии законченной и уже готовился выехать в Псков. "Мы с тобой через два месяца поднимем Императорский Штандарт над священным Кремлем", — говорил он одному из своих помощников, генерал-майору В.А.Кислицину. За несколько дней до планируемого отъезда митрополит Антоний отслужил в Киево-Печерской Лавре молебен, давая графу Келлеру свое благословение...

Благословил Федора Артуровича и Святейший Патриарх Московский и всея России Тихон, приславший христианскому рыцарю просфору и шейный образок Державной Божией Матери. Единственный из вождей Белого Дела, удостоился граф Келлер благословения Святителя (ныне прославленного Русской Православ-

ной Церковью), давшего тем самым свидетельство о христианском, духовном, а отнюдь не политическом характере жизненного подвига старого воина. И как знать, на что благословлял его Патриарх, наделенный от Бога даром прозорливости?..

На борьбу?

Или на мученичество?

Но вряд ли сам Келлер думал в те дни о мученичестве. Он рвался в бой, он стремился поскорее выехать в Псков, но доехать туда ему было не суждено. Положение на Украине день ото дня становилось все более угрожающим. Вспыхивавшие повсеместно восстания против Гетмана Скоропадского, руководимые то большевиками, то самостийниками Петлюровского толка, то просто уголовными элементами, грозили захлестнуть всю Украину волной анархии и насилия. Германские оккупационные войска, эвакуирующиеся на родину, где в это время тоже начиналась революция, перестали играть сдерживающую роль, а бутафорские "украинские" части, сформированные Скоропадским в течение лета 1918 года, не представляли собой серьезной боевой силы. Казалось, что спасти Киев может только чудо; и в поисках чуда Гетман обратился к графу Келлеру, предложив ему возглавить "все вооруженные силы, действующие на территории Украины". По словам генерала Кислицина, "ответить в таком случае Гетману Скоропадскому отказом — это значило уклониться от поддержки страны в критический момент", — и Келлер принимает предложение Гетмана.

Имея в виду под "всеми вооруженными силами...", помимо войск Украинской Державы, свои кадры Северной Армии, отдельные подразделения Армий Южной и Астраханской, а также тяготевшие к Добровольческой Армии дружины из русских офицеров и юнкеров (разрешенные Гетманом в минуты опасности, когда он спешно переходил с позиций "самостийнических" на "федералистские"), — граф Келлер воспринимал свою деятельность Главнокомандующего, как начало того объединения всех анти-больше-

Командующий Осадным корпусом войск Директории и комендант Киева Е.М.Коновалец

вицких сил, к которому он так давно стремился. "До сведения моего дошло, — пишет он в одном из первых своих приказов, — что некоторые из призванных, как офицеры, так и унтер-офицеры, отказываются принимать участие в подавлении настоящего восстания (Петлюровского. — А.К.), мотивируя это тем, что они считают себя в составе Добровольческой Армии и желают драться только с большевиками, а не подавлять внутренние беспорядки на Украине.

Объявляю, что в настоящее время идет работа по воссозданию России, к чему стремятся: Добровольческая, Донская, Южная, Северная и Астраханская Армии, а ныне принимают участие и все вооруженные силы на территории Украины под моим начальством.

На основании этого все работающие против единения России считаются внутренними врагами, борьба с которыми для всех обязательна, а не желающие бороться будут предаваться военно-полевому суду как за неисполнение моих приказов".

Последняя фраза очень характерна для распоряжений Келлера этих дней. Граф стремился прежде всего установить порядок в городе, где уже начиналась паника, не останавливаясь перед жесткими мерами (в большинстве случаев, впрочем,

Граф Ф.А.Келлер в форме генерала Оренбургского казачьего войска. В такой форме он был в день гибели

остававшимися лишь на бумаге). “Все, кто любит Родину и стремится к ее воссозданию, будут всеми силами поддерживаться правительством, враги же порядка и спокойствия будут преследоваться беспощадно — ни национальность, ни политические взгляды роли в этом играть не могут и не должны”, — такими словами пресекал он, например, ползущие по Киеву слухи о якобы готовящемся погроме. В своей деятельности генерал не хотел считаться с доказавшим свою слабость Гетманским правительством, искренне полагая, что назначение его Главнокомандующим дало в его руки и всю гражданскую власть. “Они думают, что я буду слушать все их глупости”, — презрительно говорил он об украинских министрах. И этого ему не простили...

Конечно, в военном отношении назначение графа Келлера блестяще себя оправдывало: уже начинались чудеса, и мальчишки-сердюки (Гетманская гвардия), необученные и необстрелянные, шарахавшиеся от пулемета, с приездом на фронт Главнокомандующего неожиданно перешли в наступление, в первом же бою отбросив сечевых стрельцов — вымугтрованных австрийцами солдат

Великой войны — и захватив четыре орудия (Келлер лично вел цепи в атаку, прихрамывая и опираясь на палочку)... Но правителей Украины больше интересовало не это, а независимая позиция, занятая старым генералом. Главнокомандующий отдавал приказания министрам и вызывал их к себе для доклада; оставаясь поборником Единой Неделимой, откровенно не признавал искусственной и уродливой “украинизации” (например, демонстративно именуя в официальных документах “генерального хорунжего Приходько” — “генерал-майором Приходькиным”); а в довершение всего, во имя объединения командования готов был подчинить Деникину “вооруженные силы на Украине”, а следовательно — входившие в их состав войска Украинской Державы и как бы не самого Гетмана... Глухое недовольство Келлером, накапливавшееся среди прибрежных Скоропадского, нашло выход 14 ноября.

В этот день на Лукьяновском кладбище состоялись похороны тридцати трех офицеров Киевской добровольческой дружины генерал-майора Л.Кирпичева, зверски убитых под Киевом. Возмущенный граф Келлер, не сдержавшись, произнес какие-то не вполне ясные слова о переходе к нему всей власти до восстановления монархии, в ответ на что испуганный Гетман не замедлил издать приказ об отставке Келлера и замене его генералом князем Долгоруковым. По свидетельству А.И.Деникина, в своем последнем приказе граф так объяснял свои разногласия со Скоропадским: “1. Могу приложить свои силы и положить свою голову только для создания Великой, нераздельной, единой России, а не за отделение от России федеративного государства. 2. Считаю, что без единой власти в настоящее время, когда восстание разгорается во всех губерниях, установить спокойствие в стране невозможно”. Когда эти взгляды старого воина вступили в противоречие с психологией людей, в первую очередь дрожащих за свои посты и титулы, графу Келлеру пришлось уйти.

Всего десять дней находился

граф Федор Артурович на посту Главнокомандующего. И меньше трех недель продержался после его отставки Гетман со своим правительством. 1 декабря в Киев вошли войска Директории (“Осадный корпус”), а Скоропадский, переодетый в немецкую форму, позорно бежал, оставив лишь жалкие слова отречения:

“Я, Гетман Всея Украины, в течение 7 1/2 месяцев все свои силы клал для того, чтобы вывести страну из того тяжелого положения, в котором она находится. Бог не дал мне сил справиться с этой задачей. Ныне ввиду сложившихся условий, руководствуясь исключительно благами Украины, от власти отказываюсь. Павло Скоропадский”...

Князь Долгоруков, несмотря на громогласные обещания “умереть среди вверенных ему войск”, также скрылся, и единственным авторитетным лицом в Киеве остался граф Келлер. К нему и обратились некоторые из офицеров и добровольцев, дружины которых, оставшиеся без верховного руководства, отступали к центру города под давлением войск Осадного корпуса. Возглавив небольшой отряд (в основном из офицеров штаба Северной Армии), граф Келлер повел его — куда? зачем? это, наверное, так и останется загадкой, — но, выйдя на Крещатик, наткнулся на передовые части петлюровцев. После короткой стычки (не принесшей успеха ни тем, ни другим, так как петлюровцы, несмотря на численное превосходство, по-видимому, крайне неудобно чувствовали себя на улицах незнакомого города) Келлер отвел свой поредевший отряд в Михайловский монастырь и там, “со слезами на глазах” (пишет очевидец), предложил офицерам расходиться. С ним осталось лишь несколько человек...

Вечером 1 декабря в монастырь приехал майор германской армии, предложивший Келлеру перейти в германскую комендатуру, где его жизнь была бы в безопасности. Но русский генерал не пожелал принять безопасность из рук оккупантов... “Несмотря на отказ, мы вывели графа почти силой из кельи во двор и довели уже до выхода из ограда, — вспоминал Н.Нелидов, офицер из отряда Келлера. — По дороге, по

просьбе майора, накинули на графа немецкую шинель и заменили его огромную папаху русской фуражкой, чему он нехотя подчинился. Когда же майор попросил его снять шашку и Георгия с шеи, чтобы эти предметы не бросались в глаза при выходе из автомобиля, граф с гневом сбросил с себя шинель и сказал: "Если вы меня хотите одеть совершенно немцем, то я никуда не пойду". После чего он повернулся и ушел обратно в келью. Ни мольбы, ни угрозы не могли уже изменить его решения..."

Вскоре в монастыре появились петлюровцы. Вряд ли это были просто квартиреры одной из артиллерийских частей (как иногда считается); их целью был, несомненно, арест графа Келлера, на которого они обратили все свое внимание, — что и дало возможность ординарцам генерала скрыться, смешавшись с толпой богомольцев. С Федором Артуровичем остались лишь два его адъютанта, полковник А.А.Пантелеев и ротмистр Н.Н.Иванов, репившие разделить участь своего начальника до конца.

Около недели графа и его адъютантов держали под арестом. Вскоре германское командование (которое, надо отдать ему должное, сделало многое для спасения от петлюровцев русских офицеров, которым угрожала расправа) потребовало у новых хозяев Киева перевести арестованных в Лукьяновскую тюрьму (быть может, рассчитывая таким образом вывести графа Келлера из-под пристального внимания петлюровцев). Но те не желали выпустить из своих рук русского генерала. В 4 часа утра 8 декабря 1918 года, при переводе на Лукьяновку, граф Ф.А.Келлер, А.А.Пантелеев и Н.Н.Иванов были убиты выстрелами в спину на Софийской площади, у памятника Богдану Хмельницкому.

Это преступление (ибо стандартная формулировка "застрелены при попытке к бегству" никого не могла обмануть) взволновала население

Киева, по словам современника, "многих отшатнув еще более от петлюровцев". Опасаясь какой бы то ни было огласки, комендант города, командующий Осадным корпусом "отаман" Е.М.Коновалец разрешил похоронить старого воина лишь с условием, "чтобы за гробом шли только самые близкие родственники покойного". "Очевидно, — вспоминал А.В.Черячукин, — Коновалец боялся манифестаций сопровождающих последние останки героя". Граф Келлер был похоронен на Лукьяновском кладбище под чужой фамилией...

В разговоре с генералом Черячукиным, официальным представителем Всевеликого войска Донского, Коновалец "доказывал... что это (убийство Келлера. — А.К.) сделано без ведома Директории и его" (конечно, Коновалец был обеспокоен репутацией Директории в глазах Донского Атамана П.Н.Краснова, бывшего подчиненного графа Келлера). Но эти утверждения коменданта Киева выглядят неубедительными, а сами обстоятельства гибели русского генерала возбуждают сильные подозрения.

В самом деле, хотя разлагающиеся войска Петлюры и совершили в Киеве немало бессудных убийств (по свидетельству историографа сечевых стрельцов, в это время во многих дивизиях "пішла п'яна й безжурна гулянка старшинства й отаманства"), но убийство графа Келлера выделяется из общего ряда. Имеются свидетельства, что конвоирами Келлера были сечевики, т.е. солдаты наиболее надежных и наименее подвергшихся разложению частей Осадного корпуса (здесь уместно вспомнить, что сам Е.М.Коновалец был как раз "отаманом січового стрілецтва"). Руководили же убийством люди из "контр-разведки Ковенко", т.е. Главной следственной комиссии ("Головна слідча комісія") — учреждения с весьма темным назначением и чрезвычайно сомнительной репутацией, руководимого известным в Киеве

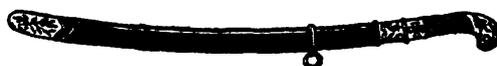
авантюристом, инженером М.Ковенко, — которое находилось под особым покровительством члена Директории Андриевского. В русской монархической печати сообщалось, что среди убийц был адъютант одного из приближенных Петлюры, бывшего прапорщика Тимченки.

Еще одним небезынтересным обстоятельством преступления является и то, что на всем пути от Михайловского монастыря на Лукьяновку (практически через весь Киев) для убийства русского патриота не нашли другого места, кроме подножия памятника Богдану Хмельницкому, — причем, чтобы выехать на Софийскую площадь, убийцам нужно было отклониться от кратчайшего и наиболее целесообразного маршрута. В этом можно заподозрить какую-то мрачную символику — и своеобразная символика видна и в том, что сабля, принадлежавшую именно графу Келлеру, по воспоминаниям Р.Б.Гуля, преподнесли прибывшему в Киев "Головному отаману" С.В.Петлюре...

Даже если бы не было всех изложенных выше обстоятельств, — Петлюре достаточно было только принять эту саблю, чтобы тем самым принять на себя и ответственность за подлое убийство. И это сразу почувствовали киевляне. Вмерзшая в лед кровь графа Келлера во время наступившей через несколько дней оттепели оттаяла, что, по свидетельству генерала Черячукина, "породило легенду, что кровь Келлера не высохнет и ляжет на голову Украины".

... На Софийской площади давно уже не осталось и следа от тех кровавых пятен. Кровь старого воина затерялась в потоках крови, пролитых в страшные годы Смуты. Но и спустя десятилетия, среди имен погибших мучеников не затеряется имя христианского рыцаря, русского генерала графа Келлера.

Божьего воина Феодора.

материалы к энциклопедии ЛЮДИ БЕЛОГО ДЕЛА

ГЕНЕРАЛ- ЛЕЙТЕНАНТ М.К.ДИТЕРИХС

Наступило время, когда понемногу начинает возвращаться людям правда о Белом движении, о его вождях и героях, боях и походах. И именно сейчас для всех, интересующихся этими славными и трагическими страницами Отечественной истории, становится очевидной необходимость справочного издания, обобщающего, систематизирующего и лаконичным языком излагающего сведения об анти-большевистском лагере Русской гражданской войны. В то же время создание такого справочника в ближайшее время представляется нереальным из-за разрозненности, отрывочности, а в некоторых случаях — и просто отсутствия материалов, освещающих те или иные моменты Белой борьбы. К сожалению, даже для исследователей в Белом Деле сегодня все еще много “белых пятен”.

Но подготовку подобной энциклопедии необходимо начинать уже сегодня. Этому и будет посвящена новая рубрика “Военной Были”, в которой мы планируем предложить вниманию читателей в первую очередь материалы по персоналиям Белого Дела. Публикуемые статьи отнюдь не являются законченными статьями энциклопедии и не могут претендовать на исчерпывающую полноту. Но мы надеемся, что они послужат своеобразным стержнем, каркасом для строительства “Белой Энциклопедии”.

“Feci quod potui, faciant meliora potentes”.

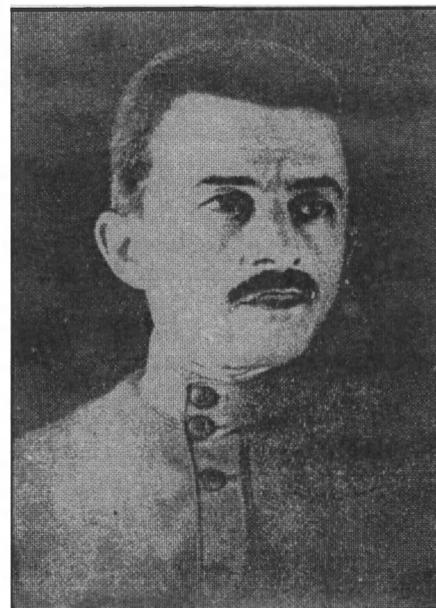
В следующем году исполняется 120 лет со дня рождения Правителя Земского Приамурского Края и Воеводы Земской Рати генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса — последнего главы Белой государственности на территории России.

М.К.Дитерихс, из дворян Санкт-Петербурга, родился 5 (17) апреля 1874 г. в семье военного. По окончании в 1894 г. Пажеского Его Императорского Величества корпуса он был произведен в подпоручики и выпущен в Туркестанскую конно-горную батарею, а в 1900 г. успешно закончил Императорскую Николаевскую Академию Генерального Штаба и был причислен к Генеральному Штабу.

Во время Русско-Японской войны он служил в рядах 17-го армейского корпуса и участвовал в боях под Ляояном, на реке Шахэ и под Мукденом. На основании приказа по войскам Маньчжурской армии за №600, М.К.Дитерихс удостоился быть призванным в восприемники Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича.

В 1910 г. ему было вверено мобилизационное отделение штаба Киевского военного округа. М.К.Дитерихсу пришлось совершить несколько ответственных командировок за границу как в роли военного агента, так и в образе нищего или торговца. В этом качестве ему удалось подробно изучить укрепления Перемышля, Карпатских перевалов, подступы к Львову. За отличия по службе Михаил Константинович неоднократно повышался в чине.

С началом I Мировой войны штаб Киевского военного округа сформировал штаб 3-ей армии, и полковник Дитерихс был назначен сначала начальником оперативного отделения, а затем генерал-квартирмейстером

штаба армии. Накануне предстоявшей армии операции в Карпатах, М.К.Дитерихс получил назначение на должность генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта и на этом посту участвовал в разработке плана знаменитого Брусилковского прорыва.

В 1916 г. распоряжением Верховного Главнокомандующего генерал-майор Дитерихс был назначен командиром 3-ей особой бригады, с которой участвовал в боях на Салоникском фронте. После ликвидации фронта, 10 (23) сентября 1917 г. он становится генерал-квартирмейстером Ставки Верховного Главнокомандующего, а 3 (16) ноября, в связи с вступлением генерал-лейтенанта Н.Н.Духонина в должность Верховного Главнокомандующего, принял на себя и обязанности начальника штаба Ставки. На этих постах генерал Дитерихс пытается предотвратить развал армии и организовать подавление большевистской “революции”. 8 (21) ноября он сдал должность генерал-квартирмейстера и был назначен в распоряжение начальника штаба Кавказского фронта, однако остался в Ставке...

С приближением к Могилеву красногвардейских войск Н.В.Крыленко, Михаилу Константиновичу пришлось укрыться во Французской военной миссии и 18 ноября (1 декабря), переодевшись во французскую форму, выехать в составе этой мис-

сии в Киев. Вскоре он стал начальником штаба Отдельного Чехословацкого корпуса и к началу восстания корпуса против Советской власти в мае 1918 г. возглавил его Дальневосточную группу во Владивостоке. С чехословаками он оставался до того момента, когда они потребовали своего отвода в тыл...

17 (30) января 1919 г. на бывшего Главнокомандующего Западным фронтом генерал-лейтенанта Дитерихса предписанием Верховного Правительства и Верховного Главнокомандующего адмирала А.В.Колчака было возложено "общее руководство по расследованию и следствию по делам об убийстве на Урале Членов Августейшей Семьи и других Членов Дома Романовых".

С 28 июня (11 июля) Дитерихс — командующий Сибирской армией, а 14 (27) июля он получил назначение на пост Главнокомандующего Восточным фронтом с подчинением ему всех войск Сибирской и Западной армий, а также Тюменского и Курганского округов на театре военных действий. Одновременно в августе 1919 г. он являлся военным министром и временно исполнял обязанности начальника штаба Верховного Главнокомандующего. В связи с возникшими между Колчаком и Дитерихсом разногласиями по вопросу целесообразности обороны Омска, Михаил Константинович оставил должность Главнокомандующего Восточным фронтом и 4 (17) ноября получил назначение в распоряжение Верховного Правительства и Верховного Главнокомандующего...

В июле 1920 г. генерал Дитерихс прибыл во Владивосток, где от имени Атамана Г.М.Семенова вел переговоры с Временным Правительством — Приморской Областной Земской Управой об образовании Белого буферного государства. Переговоры закончились неудачей, и Дитерихс уехал в Харбин, где посвятил себя заботам о вывезенных из Омска девочках-сиротах и работе над книгой "Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале".

24 июля (6 августа) 1922 г. созданный во Владивостоке Приамурский Земский Собор избрал генерал-лей-

тенанта Дитерихса Правителем Приамурского Края, возглавляющим Приамурское Государственное Образование на правах Верховной Власти (впредь до прибытия Верховного Правительства из членов династии Романовых). М.К.Дитерихс принес присягу с обещанием "дать ответ за все учиненное по долгу Правительства перед Русским Царем и Русской Землей". 26 июля (8 августа) своим первым указом он переименовал Приамурское Государственное Образование в Земский Приамурский Край. Вооруженные силы Края — Белоповстанческая армия, по примеру 1612 года, были переименованы в Земскую Рать.

Однако в неравных боях с красными под Спасском и Монастырищем части Земской Рати потерпели поражение. 20 октября (2 ноября) 1922 г. Дитерихс во главе своих войск перешел русско-китайскую границу у г. Хунчуна; затем вместе с ними ему пришлось совершить долгий и тяжелый поход по Китаю от Хунчуна на Гирин — Мукден...

Летом 1923 г., устроив, насколько это было возможно, мирную жизнь и быт "беженских групп" частей Земской Рати, генерал Дитерихс переехал в Шанхай, где до самой смерти, последовавшей 8 октября 1937 г. от туберкулеза, возглавлял Дальневосточный Отдел Российского Общевоинского Союза.

В Харбине и Шанхае Михаил Константинович основал приюты для сирот, вывезенных им из России, а его собственному ребенку, волею судьбы оставшемуся в России, пришлось всю жизнь носить на себе клеймо "дочери врага народа", пережить 13 лет лагерей и ссылки. Только 13 июня 1992 г. (!), благодаря настойчивым усилиям членов Общества истории Гражданской войны в России при активном и бескорыстном содействии общества "Мемориал", Наталья Михайловна Полуэктова (Дитерихс), проживающая в Москве, получила, наконец, "Справку о реабилитации".

В.В.ШУЛЬГИН

ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В 1918 — 1919 ГОДАХ

(Отрывочные
воспоминания)

Василий Витальевич Шульгин (1878 — 1976) прожил долгую удивительную жизнь. Член Государственной Думы второго, третьего и четвертого созывов (1907 — 1917), активный участник Февраля, затем — один из организаторов и идеологов Белого Движения. Потом, при всех трагических перипетиях, — в эмиграции, на Лубянке, в тюрьме, — в течение более полувека — хранитель его заветов, историк-мемуарист. Первая книга его воспоминаний вышла за рубежом, в первый же год по окончании Гражданской войны. Последняя, порезанная и искореженная брежневской цензурой — в Москве, посмертно, в 1980-м...

В последние годы читателю открылась, в связи с потоком публикаций и открытием архивов, совершенно неизведанная и неожиданная картина подлинных событий и действующих лиц революции и Гражданской войны. Вернулись к читателю и основные книги Шульгина. Впрочем, соopus Shulgini далеко еще не исследован и не опубликован — особенно наследие позднейшего, Владимирского, периода его жизни.

Из-за плохого зрения Василий Витальевич в последние годы его жизни предпочитал свои тексты диктовать, и предлагаемый очерк "Французская интервенция на Юге России в 1918 — 1919 годах" пред-

Ф. Ефремов

ставляет одну из “глав”, продиктованных им пишущему настоящие строки в подмосковном Красногорске, где Шульгин гостил у меня в июле — августе 1973 г. (первая, фрагментарная публикация — газета “Домострой”, 1992, №3).

В центре повествования — фигура Алексея Николаевича Грипшна — молодого талантливого, но честолюбивого и амбициозного деятеля сибирского Белого подполья зимы — весны 1918 года (дополнившего свою фамилию подпольным псевдонимом “Алмазов”), чьи незаурядные способности пришлись как нельзя кстати в нетривиальной обстановке Одессы конца 1918 — начала 1919 годов.

“Вывихи эпох” — революции, кризисы, гражданские войны — способствуют появлению, часто не надолго, на арене истории людей необычных, замечательных по-своему, причудливой судьбы, которые не определяют глубинных процессов и не влияют напрямую на их результаты, но с максимальной выразительностью концентрируют в себе “дух времени”. Интересно, что многих из этих “романтиков гражданской войны” дала Сибирь: Унгерн, Анненков, Семенов, Пепеляев, Молчанов. Сибиряком был и Грипшин-Алмазов.

В.В.Шульгина всегда привлекали подобные непредсказуемые личности — с сильной волей, обостренным чувством жизни, готовностью к нестандартным решениям. Магнетизм “сильной личности”, своеобразная “магия власти” всегда интересовали и очаровывали его в людях — и как политика, и как писателя-психолога.

... И всякая “романтика”, белая, красная, зеленая, неизменно кончалась в те годы трагически — как для окружающих, так и для самих ее носителей. Знак судьбы, печать смерти, реявшие над Белой Идеей в целом, явственно присутствуют и в воспоминаниях Шульгина о Грипшине-Алмазове.

Н.Лисовой

Эти воспоминания можно было бы назвать “световыми пятнами”. Среди тумана далекого прошлого, принимая во внимание, что они пишутся (диктуются) в июле 1973 года.

...Начну с того, что я сидел в тюрьме. Почему я сидел в тюрьме? Потому что была перехвачена телеграмма на мое имя в Киеве (какой-то властью).

— Ваше присутствие в Ставке необходимо. (Кажется, Лодыжинский).

Этой телеграммы я не получил. Взамен этого в три часа ночи явились ко мне на квартиру некие власть имущие. Начальник милиции (полиции), доктор Аносов предъявил мне “мандат” на арест и обыск. Обыскали мой письменный стол, где оказались бесчисленные письма, в связи с процессом Бейлиса. Оставили их в покое. Пошли в спальную, там что-то искали, ничего не нашли. И повезли сначала куда-то на Печерск, в какой-то штаб, а потом я оказался в тюрьме, на Лукьяновке. Заключение в этой тюрьме было легкое и даже, можно сказать, комичное. Двери в камеры были открытые, и заключенные свободно посещали друг друга.

Однажды пришел какой-то студент:

— Товарищ Шульгин! Необходимо объявить голодовку!

— Зачем?

— Что значит “зачем”? Это не будет голодовка. Только казенного не будете есть, так Вы его и так не едите. А передачу можно.

— Отказываюсь.

Смылся. Пришел другой. На дворе шел сильный дождь. Он был в кожаном, молодой и пьяный.

— Я — начальник Червонной милиции. Я их сам всех арестую.

— Арестуйте.

Смылся. Пришел третий. Отрекомендовался, что он генерал в отставке. По выговору видно — поляк.

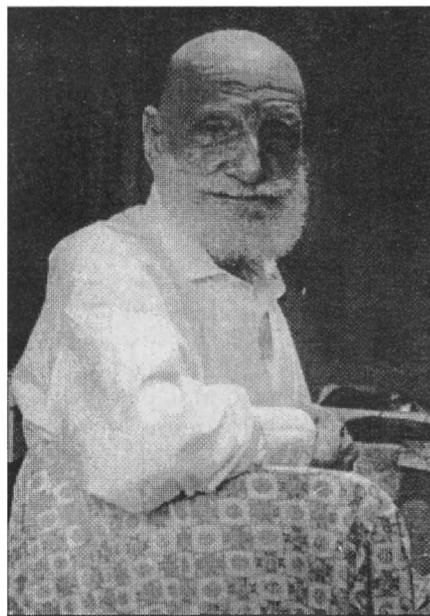
— Знаете, я пошел к ним. Говорю: “Военного вооружения у меня нет, но есть охотничье ружье. Его что — тоже надо сдавать?”

— А вы кто такой?

— Я генерал такой-то.

— Вы генерал? Пожалуйста!

И посадили меня.

В.В.Шульгин. 1968

Передачу приносили мне моя сестра Алла Витальевна и с нею... Ее звали “Даруся” (Дар Божий). Она смотрела на меня печальными глазами, не говорила ничего, потому что всегда кто-нибудь присутствовал. Но все же я понял, что большевики уходят, и ждут немцев.

Через несколько дней меня позвали. Амханицкий, студент-юрист, заявивший, что он левый эсер, что приравнялось к большевикам...

— Ваше дело нам не подсудно. Поэтому мы решили Вас выпустить.

Это меня не очень удивило. Перед этим уже было выпущено несколько сот человек. Амханицкий продолжал:

— Мы решили Вас выпустить, но при условии, что Вы дадите слово...

— Какое слово?

— Прекрасно Вас понимаю. Что Вы дадите слово, что Вы, если мы Вас позовем, придете.

— Позвольте спросить, кто это “мы”?

— Мы? Это скажем так, “идея советской власти”.

— Вы говорите о Киеве?

— Да, о Киеве.

Я подумал и ответил:

— Даю слово. Если позовете, приду.

Прошли года и года... Никто меня

не позвал. Среди других я очутился в эмиграции. Пока моя жена (первая) была в России, к ней приходил Амханицкий. У него была чахотка. Он говорил:

— Все равно помру. А Вашего мужа никто никогда не позовет.

Это был человек из тех, о которых французы говорят: “тени, которые проходят”. “Тень” Амханицкого была светлая.

Вот это световое пятно в тумане... за точность подробностей не ручаюсь.

Вскоре вошли в Киев немцы, т.е. немецкие войска. Перед ними шел Петлюра, как будто самостоятельно. Немцы ведь входили в Киев как бы по приглашению. Но я, конечно, понимал, в чем дело.

“Киевлянин” больше не издавался. Он покончил, кажется, в январе [1918 г.]. Но тут я решил выпустить экстренный номер, получивший название “Последний номер Киевлянина”. Этот номер обогатил киевских мальчишек, продававших газету. Номер, стоивший 10 копеек, вздул цену в 25 рублей экземпляра. Люди рвали его друг у друга. И это, пожалуй, было понятно. Передовая статья начиналась так:

— Закрывая газету, которая свыше пятидесяти лет обслуживала край, газету “Киевлянин”, мы должны сказать пришедшим в наш город немцам: “Вы — наши враги”. Но прежде, чем продолжать, мы должны поблагодарить немцев за то, что они очистили авгиевы конюшни Киевского вокзала. Там толстым слоем лежал пласт из выплунутых семечек и грязи. Теперь чисто. Упоминаем об этом потому, что чувствуем и понимаем: в существующем хаосе немцы — элемент опрятности и порядка.

Но идет война. Война продолжается. Мы дали наше слово французам и англичанам, и мы будем его держать. И потому-то мы — ваши враги. Враги — до заключения мира.

В заключение я хочу сказать, что честные враги лучше, чем бесчестные друзья.

Говоря о “бесчестных друзьях”, я имел в виду украинцев (украинствующих). И этот номер вышел. Он про-

извел сильнейшее впечатление. И на Киев, и на гостей, немцев.

От кого говорит Шульгин, употребляя “семейное” мы? Этому я тогда и сам не понимал. Только теперь понимаю.

Кто дал слово французам и англичанам? Русский Император... Его уже не было. Я говорил от Его имени. Теперь я это понимаю. Но немецкое командование поняло это раньше меня. Для них это звучало внушительно.

Этому я приписываю то, что произошло: У газеты “Киевлянин” не было своей типографии. Типография принадлежала Кушнеревым из Москвы. Но начальник типографии был наш, хохол, к тому же хитрый хохол.

Он, прочтя корректуру, пришел ко мне в слезах.

— Плачу, и весь город будет рыдать. Но ведь они конфискуют типографию.

Я сказал:

— Я сделал, что мог. Больше я ничего не знаю.

Тут заплаканные глаза блеснули хитростью.

— Вы больше ничего не знаете?

— Не знаю.

Он схватил корректуру и ушел.

Во главе немецкого, так сказать, управления, стоял некто Альвенслебен, прекрасно говоривший по-русски. Мой хитрый хохол рассказал мне позже:

— Я пошел к Альвенслебену. Они совещались два часа. Наконец, вернули мне корректурные листы, и Альвенслебен сказал:

— Человек закрывает газету, которую издавал пятьдесят лет. Надо же ему высказаться, почему. Можете печатать!

И напечатали. Ночью сотрудник “Киевлянина” (давний сотрудник, француз-бельгиец... забыл его, фамилию забыл...) Пюже, глубокой ночью пришел ко мне... Но прежде, чем рассказать об этом, я хочу сделать одно сравнение, пользуясь тем, что сейчас 1973 год.

Если бы мой хитрый хохол пришел не к Альвенслебену, а к другому лицу, значительно позднее, к Адольфу Хитлеру, то что он сделал бы с

начальником типографии, с редактором “Киевлянина”... можно себе представить. Поэтому я говорю, что не следует смешивать людей всех в одну кучу, как русских, так и немцев.

В то время, т.е. когда Адольф Хитлер занял Югославию, моя покойная жена, Мария Дмитриевна, как-то очутилась в одном купе с немецкими тогдашними офицерами. Ее приняли за хорватку, но она объяснила, что она русская эмигрантка.

Офицер постарше спросил ее:

— Откуда Вы родом?

— Из Киева.

— Из Киева? Я был в Киеве много лет тому назад.

После некоторой паузы он продолжал:

— Я хотел бы, чтобы русские эмигранты знали: не все одобряют то, что делается сейчас.

Из этого вывод: есть немцы и немцы. Потомки Альвенслебена — наши будущие друзья. Духовные наследники Адольфа Хитлера добиваются третьей мировой войны с применением атомного оружия.

Теперь возвращаюсь к ночному посещению Пюже. Он сказал:

— Я привел к Вам одного француза. Он живет здесь тайно. Он просит, чтобы Вы его приняли.

Вошел человек среднего роста, слегка рыжеватый. Как я потом узнал, он был эльзасец. На французском фронте он командовал большим танком, который шутя давил дома. Французское командование, заметив в нем и другие способности, послало его в Киев для тайной разведки. Он жил тут в некоей семье, где некая дама, прекрасно говорившая по-французски, не говоря о русском... Она переводила ему все интересное, в том числе и статью “Киевлянина”, производящую впечатление разорвавшейся бомбы. И тогда француз, знавший Пюже раньше — имя его было Эмиль Энно — захотел побывать у меня.

Мой скромный домик имел тонкие стенки. Я попросил Энно не кричать так громко, потому что на улице будет слышно. С исключительным темпераментом он кричал:

— Этого Франция не забудет!
Этого Франция не смеет забыть!

Когда он немного успокоился, он объяснил, что он должен бежать, так как его присутствие в Киеве с прибытием немцев становится невозможным. Под вымышленным именем он уезжает в Румынию к графу Сент-Олер. Ему поручено из Румынии следить за событиями в России. Энно говорил:

— Несомненно, Ваша статья будет дословно по телеграфу передана в Париж. И тогда произойдут совершенно исключительной важности события.

События и произошли. Клемансо решил на французскую интервенцию, в помощь русским, верным Франции.

Что эта интервенция не удалась, это вопрос другого рода. Французское высшее командование хотело заключить мир в Берлине. В этом домогательстве уже можно было угадать будущий Версальский мир. Поэтому, как позже мне объяснил Энно, французские генералы саботировали интервенцию.

Но пока что Эмиль Энно был полон веры в успех. И отправился в Румынию. Здесь, в Киеве, он оставил свою сотрудницу, русскую, точнее сказать, крещеную еврейку, до 13 лет не знавшую, что она еврейка. Эта дама вышла замуж впоследствии за Энно. Он, Энно, думал, что она еврейка в каком-то отдаленном поколении. Но я, хорошо знавший это дело, утверждаю, что ни одна русская не была такой русской патриоткой, как супруга Эмиля Энно. Особенно она ненавидела украинцев (украинствующих), утверждая, что они продают не только Францию, но и Россию. В темпераменте она не уступала своему будущему мужу, но до конца я узнал ее позже в Одессе.

Эмиль Энно был назначен французским правительством в этот город. Действовал он крайне смело и умело.

Он жил в Лондонской гостинице, которая как бы возвышается над портом. Энно объявил французскую зону неприкосновенной. Она имела вид треугольника, вершина которого упиралась в Лондонскую гостиницу.

В последней разыгрались дальнейшие события.

В Одессе среди русских командных лиц была не то что паника, но полная нерешительность. Выделился среди адмиралов и генералов недавно прибывший сибиряк Гришин-Алмазов. Очень зорко это понял Энно, сказав мне:

— Гришин-Алмазов производит на меня впечатление волевого человека.

Тем более было удивительно, как он это понял, ведь Гришин-Алмазов не говорил по-французски, все переводила будущая жена Энно.

Тут я должен отметить, я лично в эти дни совершенно был раздавлен личным горем. Почти одновременно был убит мой старший сын, 19 лет, и "Дар Божий"... умерла от испанки в Яссах. Я искал утешения в работе, проживая бок о бок с Энно.

И вот, по приглашению консула Энно, у него в номере состоялось совещание. Были приглашены все эти растерявшиеся русские генералы и адмиралы. В соседней комнате, моей, сидел Гришин-Алмазов, ожидая приглашения.

Энно в нескольких словах изложил присутствующим положение, т.е. анархию, безначалие.

— *Chère amie, traduisez!* (Переведите.)

Присутствующие выслушали, склонив голову, но не отвечали.

— Единственный человек, который производит на меня впечатление волевого характера, это генерал Гришин-Алмазов. *Chère amie, traduisez!*

И это выслушали растерявшиеся. Тогда пригласили генерала (он, собственно говоря, был полковником). Фамилия его была Гришин, Алмазов был псевдоним.

Вошел человек, явственно молодой для генерала. Одет он был в грубую солдатскую шинель, но с генеральскими погонами, широкую ему в плечах. Шашка, не сабля, была на нем, пропущенная, как полагается, под погон. Он сделал общий поклон присутствующим. Энно предложил

Генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов.
Рис. В.Желдакова. 1918

ему сесть. И снова повторил в его присутствии то, что говорил раньше.

— *Chère amie, traduisez!*

Сущность слов Энно состояла в том, что при безвластии в Одессе, надо сконцентрировать власть в одних руках, а именно, в руках генерала Гришина-Алмазова.

— *Chère amie, traduisez!*

Генерал Гришин-Алмазов, держа пашку между колен, обвел твердыми глазами "растерявшихся" и спросил:

— А все ли будут мне повиноваться?

"Растерявшиеся" ничего не сказали, но сделали вид, что будут повиноваться.

На этом собрание закончилось. Гришин-Алмазов стал диктатором в Одессе. Я увел его в свой номер. Там он сказал:

— Ну теперь мы посмотрим!

И схватив кресло, сломал его.

Как я ни был печален, я улыбнулся.

— Александр Македонский был великий человек, но зачем же стулья ломать.

(Это из Гоголя, кажется. В скобках: Гоголь).

Сейчас на некоторое время я лишен возможности пользоваться точными справками, так что мои воспо-

минания опять становятся “световыми пятнами”.

За несколько дней до того, как Гришин-Алмазов стал диктатором в Одессе, небольшие отряды Добровольческой армии севернее Одессы были разбиты большевиками. Они бежали и в Одесском порту захватили корабль “Саратов” и собирались уходить в Крым. К этим саратовцам явился новоиспеченный диктатор и сказал:

— Я назначен консулом Энно и представителем Деникина в Одессе Шульгиным главным начальником военных отрядов Добровольческой армии. Потрудитесь мне повиноваться.

Тут для меня впервые обозначилась магическая повелительная сила у Гришина-Алмазова. Повелевать — это дар Божий. Саратовцы подчинились. Диктатор в течение нескольких дней учил их, как простых солдат, умению повиноваться. Отшлифовав их таким образом, он бросил их в бой.

Против кого? Против большевиков, украинцев и примыкавших к ним, которые захватили Одессу, и в частности, “французскую зону”, примыкавшую к гостинице, где жил консул Энно.

Саратовцы дрались прекрасно, но были малочисленны. К концу дня Гришин-Алмазов пришел ко мне:

— Формально мы победили, но потери есть. Если мы продержимся ночь, за завтрашний день я ручаюсь.

В это время явился адъютант Гришина-Алмазова, который был при нем неотлучно, кроме времени, когда сидел на гауптвахте.

— Ваше Превосходительство, там один офицер, очень взволнованный, добивается увидеть Вас немедленно.

— Просите.

Вошел офицер действительно совершенно, как у нас говорят, “расхристоченный”. Он махал руками в

воздухе, поддерживая “расхрищенные” слова.

— Ваше Превосходительство! Мы окружены со всех сторон. Противник дал нам для сдачи 10 минут.

Гришин-Алмазов холодно смотрел на взволнованного офицера. И сказал спокойно:

— Отчего Вы так волнуетесь, поручик?

И вслед за этим загремел:

— Что это, доклад или истерика? Потрудитесь прийти в себя!

Это действовало. Руки и ноги поручика успокоились, и он повторил уже без истерика то, что сказал раньше.

И Гришин-Алмазов успокоился и сказал:

— Вы говорите, что окружены со всех сторон. Но как же Вы провались? Вот что. Возвращайтесь к посланному Вас полковнику и скажите Вашему начальнику: “Генерал Гришин-Алмазов, выслушав, что противник дал Вам для сдачи 10 минут, приказал: дать противнику для сдачи 5 минут”.

— Ваше Превосходительство!

— Ступайте.

Поручик повернулся по-военному и пошел.

Я повторил вроде поручика:

— И что Вы делаете, Алексей Николаевич?

Он ответил:

— Другого я ничего не мог сделать. У меня нет ни одного человека в резерве, кроме моего адъютанта. Я послал им порцию дерзости. Я хорошо изучил психику гражданской войны. “Дерзким” Бог помогает.

После некоторой паузы он повторил:

— Формально мы победили, если мы продержимся ночь, за утро я ручаюсь. А теперь пишите.

— Что?

— Приказ №1.

— И что писать в этом приказе?

— Я поставил себя в полное подчинение генералу Деникину. Я умею

не только приказывать, но и повиноваться. Пишите так, как написал бы Деникин, если бы он был здесь. Заявляю Вам, что отныне Вы моя “Деникинская совесть”. Ухожу, чтобы Вам не мешать.

Он ушел, я стал писать приказ №1. Не думаю, чтобы Деникин так написал. Приказы того времени и в таких обстоятельствах обыкновенно начинались словами: “запрещается”. Я, ощутив в себе тоже какую-то порцию дерзости, написал: “разрешается”. Разрешается ходить по улицам днем и ночью. Когда возвратившийся Гришин-Алмазов прочел это, он посмотрел на меня вопросительно. Я сказал: “Это звучит гордо”. Но ни один разумный человек не будет гулять по Одессе ночью — убьют и ограбят.

— Ну хорошо, дальше.

— Разрешается днем устраивать общественные собрания, где будут обсуждаться гражданами все важные дела, но в закрытых помещениях. Публичные митинги запрещены.

Гришин-Алмазов сказал:

— Наконец Вы что-то запретили.

— Дальше опять будет либеральная политика. “Печать свободна”.

— Да они Бог знает что будут писать.

— Не будут. Будут бояться. Назначьте несколько дельных офицеров в качестве необязательных цензоров. И они будут очень рады.

В это время обсуждение приказа №1 было прервано. Явился адъютант Гришина-Алмазова.

— Разрежьте доложить.

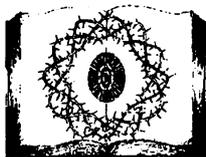
— Докладывайте.

— По телефону звонят, что противник, которому было дано 5 минут для сдачи, сдался.

Надо было увидеть лицо адъютанта. Он смотрел на своего генерала, как на чудо. И в нем действительно было что-то чудесное. Он сказал радостно, но спокойно:

— Я хорошо изучил психику гражданской войны.

(Окончание следует)

СОДЕРЖАНИЕ

1918 — 4 (17) ИЮЛЯ — 1993.....	1
ИМПЕРАТОРСКАЯ ФАМИЛИЯ И РУССКАЯ АРМИЯ	2
<i>Арсений Несмелов</i> ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ ПЛЕННИК	6
ПАМЯТИ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА	8
<i>Александр Лепеха</i> В ТЫЛУ У НЕМЦЕВ	10
<i>Барис Лазаревский</i> КНЯЗЬ ОЛЕГ КОНСТАНТИНОВИЧ	10
ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА	12
<i>А.Никольская</i> НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА	13
<i>М.Катагощина</i> ПАМЯТНИКИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.....	14
<i>А.Кручинин</i> ХРИСТИАНСКИЙ РЫЦАРЬ	18
МАТЕРИАЛЫ К ЭНЦИКЛОПЕДИИ. ЛЮДИ БЕЛОГО ДЕЛА ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ М.К. ДИТЕРИХС	26
<i>В.В.Шульгин</i> ФРАНЦУЗСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В 1918 — 1919 ГОДАХ <i>Публикация и предисловие Н. Лисового</i>	27

Главный редактор **А.КРУЧИНИН**
Соучредители **А.ВАСИЛЬЕВ, А.ЕЗЕЕВ, А.КРУЧИНИН**
Художник **И.ШИРЯКОВ**

Редакция “Военной Были” благодарит наших соотечественников — членов Объединений Кадет Российских Кадетских Корпусов в Сан-Франциско, Нью-Йорке и Венецуэле, за поддержку и добрые слова в адрес журнала.

© “ВОЕННАЯ БЫЛЬ”, 1993.

При участии Издательской фирмы “А.В.Туров”

Адрес редакции: 109044, Москва, а/я 37

Перепечатка только с разрешения редакции. При перепечатке ссылка на “Военную Быль” обязательна.

Издание зарегистрировано Московской региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации. Свидетельство о регистрации №А-0154 от 10 декабря 1992 г.